

СЛОМАННЫЙ КЛЫК

ПРОКЛЯТИЕ ЛЕСНОЙ ДЕРЕВНИ

ДЕЙН КОУЛ

Дейн Коул

**Сломанный Клык:
Проклятие лесной деревни**

«Автор»

2026

Коул Д.

Сломанный Клык: Проклятие лесной деревни / Д. Коул —
«Автор», 2026

Четверо чужаков, которых свела случайность — а удержала друг подле друга куда более редкая вещь. Паладин с грузом старой вины. Женщина с севера, чья огромная сила скрывает ещё большую боль. Вор, умеющий исчезать в темноте — и от собственного прошлого. Изгнанница с даром, которого боятся даже её сородичи. Они не выбирали друг друга. Но когда мир начинает трескаться по швам, а древнее зло тянется из-за грани реальности к тем, кого они поклялись защищать, — именно эта нелепая компания оказывается единственным, что стоит между тьмой и живыми. Дорога поведёт их через промёрзшие пустоши, раскалённые пески и руины исчезнувших цивилизаций — туда, где каждому придётся заглянуть в собственную тень. Иногда семья — не то, с чем рождаются. Это то, что выбирают снова и снова, даже когда легче было бы уйти. Приключение, скорость меча и настоящая цена спасения — для тех, кто ищет фэнтези с сердцем.

© Коул Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Как они стали семьёй	7
1. Первая встреча	7
2. Филбик	9
3. Мирабель	10
4. Дракон	12
ГЛАВА 1. Последний шанс	14
1. Гильдия	14
2. Дорога на Жарден	18
3. Жарден	20
4. Изба Клуenea	21
ГЛАВА 2. Тени на пороге	24
1. Внутри тьмы	24
2. Схватка	25
3. Внутри	27
ГЛАВА 3. Под чужим небом	29
1. Падение	29
2. Чужой мир	30
3. Тени и люди	31
4. Погоня	33
5. Там, в Жардене	34
6. Возвращение к кургану	36
ГЛАВА 4. Грань	38
1. Жарден. Ночь	38
2. Мир теней. Лес	40
3. Лагерь	41
4. Записки безумца	42
5. Жарден. Рассвет близко	43
6. Там, в мире теней	44
ГЛАВА 5. Встреча в темноте	45
1. Чужой мир	45
2. Первая стычка	46
3. Внутри кургана	47
4. Штурм	49
5. Ярость Яры	51
ГЛАВА 6. Сердце тьмы	54
1. Жарден. Утро после битвы	54
2. Мир теней. Под обломками	56
3. Жарден. Полдень	57
4. Жарден. Закат	58
5. Мир теней. Второе вторжение	59
6. Внутри	60
ГЛАВА 7. Агония	62
1. Последний бой	62
2. Сердце тьмы	63
3. Ядро	64
4. Ярость Яры	65

5. Смерть Хранителя	66
6. Освобождение	67
7. Рассвет над Жарденом	68
ГЛАВА 8. Прощание с Жарденом	70
1. Утро в избе Клуenea	70
2. Ужин у Клуenea	71
3. Сон Миранбель	72
4. Пробуждение	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дейн Коул
Сломанный Клык:
Проклятие лесной деревни

Сломанный Клык
Проклятие лесной деревни

ПРОЛОГ. Как они стали семьёй

1. Первая встреча

Всё началось не в таверне и не на большой дороге, а в маленькой деревне на границе Северных Пустошей, куда редко забредали чужаки.

Корвин шёл по снегу, проваливаясь по колено, и молился. Точнее, пытался молиться — ветер вырывал слова изо рта быстрее, чем он успевал их прошептать, и уносил куда-то в белую круговерть за спиной. Его плащ, когда-то белый, как первый снег, давно превратился в грязно-серую задубевшую тряпку. Доспехи под ним гремели при каждом шаге, ремни примёрзли к подкладке, а пальцы в перчатках уже почти не чувствовались. Впереди была только бесконечная белая пустошь и несколько тощих елей, согнувшихся под тяжестью снега, будто старики под непосильной ношей.

Он искал язычников, чтобы обратить их в истинную веру. Нашёл он их быстрее, чем рассчитывал.

Деревня называлась Холодный Ручей. Когда Корвин вошёл в неё, его встретили трупный запах, въевшийся в морозный воздух, и тишина — та особенная, звенящая тишина, что бывает только там, где недавно кричали. Дома стояли целые, но двери были распахнуты настежь, раскачиваясь на петлях, а внутри — никого. Только снег намело в сени, белыми языками вползая на пороги.

А на околице, у частокола, кто-то дрался.

Корвин побежал, увязая в сугробах. Меч сам прыгнул в руку — он даже не заметил, как успел его выхватить.

Картина открылась странная. У ворот лежало трое разбойников — двое без сознания, один с неестественно вывернутой шеей. А ещё четверо наседали на огромную женщину с топором. Женщина была босиком, в одной меховой безрукавке поверх длинной рубахи — и при этом хохотала, запрокинув голову, будто дралась не за жизнь, а забавы ради. Она поймала топор одного из нападающих голый рукой, вырвала его, как игрушку у ребёнка, и с разворота приложила кулаком второго — тот отлетел к забору, впечатался в брёвна с гулким деревянным звуком и затих, сползая в снег.

Разбойников осталось трое. Они попятились, переглядываясь.

— Эй, — сказал Корвин, выходя из-за угла и поднимая меч так, чтобы клинок блеснул в сером свете дня. — Нехорошо обижать женщин.

Те обернулись. Увидели здорового мужика в доспехах с мечом наизготовку и мгновенно решили, что сегодня не их день. Двое бросились в лес, ломаясь через кусты. Третий попытался последовать за ними, но поскользнулся на льду и тут же получил от женщины ногой в бок — после чего тоже потерял сознание.

Корвин выдохнул, убрал меч в ножны и подошёл ближе, всё ещё настороженно поглядывая по сторонам.

— С тобой всё в порядке?

Женщина повернулась к нему. Круглые, очень светлые глаза посмотрели на него без тени страха — скорее с любопытством. На вид ей было лет двадцать пять, но из-за по-детски открытого выражения лица казалось, что меньше. Она была перемазана кровью с ног до головы — в основном чужой, — и от этого зрелища у любого другого свело бы живот, но она лишь широко улыбнулась и кивнула, всё ещё тяжело дыша после драки.

— Яра хорошо. А ты кто?

— Я Корвин. Паладин Ордена Светоносного.

— А, — сказала она, подумала, наклонив голову набок, и добавила деловито: — Яра есть хочет. Там, — она махнула рукой в сторону леса, — деревня моя когда-то сгорела. Яра пошла мстить. Нашла.

Корвин перевёл взгляд с бесчувственных разбойников на неё и вдруг очень ясно понял: эту женщину нельзя оставлять одну. Не потому, что она слабая — как раз наоборот, судя по тому, что он только что видел. А потому, что она слишком добрая для этого мира и совершенно не понимает, когда нужно остановиться.

— Пойдём со мной, — сказал он. — Я накормлю тебя и найду, где переночевать.

Яра подумала секунду — наморщив лоб с таким видом, будто решает сложную задачу, — потом кивнула и пошла за ним, послушно, как большая собака, привязавшаяся к первому встречному доброму человеку. Босиком по снегу. Корвин уже открыл рот, чтобы спросить, не холодно ли ей, но тут заметил, что под её босыми ступнями снег тает крошечными тёмными пятнами — и промолчал, только покосился на неё ещё раз, украдкой.

2. Филбик

В Железном Порту, куда они добрались через две недели, их ждал сюрприз.

Корвин только что получил небольшой заказ — сопроводить купца с товаром в соседний город — и теперь сидел на ступеньках Гильдии Авантюристов, делясь с Ярой краюхой хлеба. Яра жевала сосредоточенно, как корова, перекатывая кусок за щекой, и довольно жмурилась на неяркое зимнее солнце.

И тут Корвин почувствовал, как чья-то рука ловко скользнула в его кошель.

Реакция у паладина оказалась отменной. Не успел он толком осознать прикосновение, как пальцы уже сомкнулись на чужом запястье. Он дёрнул — и вытащил из-за своей спины... гнома. Маленького, вертлявого, с рыжей бородой, заплетённой в смешные косички, и глазами, которые бегали быстрее, чем мыши по амбару.

— Пусти! — заверещал гном, дрыгая ногами в воздухе, будто перевёрнутый жук. — Я ничего не брал! Только хотел посмотреть! У вас там монета кривая, я хотел проверить, не фальшивая ли!

— Врёшь, — спокойно сказал Корвин, не разжимая хватки.

— Вру, — тут же согласился гном и вдруг обмяк, повиснув в его руке. — Ладно, зови стражу. Всё равно кормят там один раз в день, а я третьи сутки не жрамши.

Корвин посмотрел на его тощее тельце, торчащие острые локти — и почему-то вспомнил себя в детстве, когда он тоже воровал, чтобы выжить, пока его не подобрали монахи.

— Идём, — сказал он, отпуская руку. — Накормлю. Но если ещё раз полезешь — отдам Яре на растерзание.

Яра подняла голову от хлеба, посмотрела на гнома долгим внимательным взглядом — и ласково улыбнулась. Гном мгновенно побледнел, отступая на шаг.

— Она... она людей ест? — пискнул он.

— Если обидишь — съест, — пообещал Корвин, стараясь сохранять невозмутимое лицо.

Гнома звали Филбик. Он был из Каз-Торума, гномьей столицы в горах, но там ему не нашлось места. Слишком маленький, слишком шустрый, слишком любопытный. Настоящие гномы копали руду, ковали металл и пили пиво. Филбик же любил тишину, темноту и чужие карманы.

Позже, сидя у костра, он рассказывал о себе мало и неохотно, то и дело соскальзывая в шутки, стоило разговору коснуться прошлого. Но Корвин и Яра не давили — каждый имел право на свои тайны, и это правило родилось между ними как-то само собой, без слов.

— А ловко ты прячешься, — заметила как-то Яра, когда Филбик бесшумно возник у неё за спиной, будто соткался из воздуха.

— Привычка, — усмехнулся тот, пряча за этой усмешкой что-то ещё. — Вор должен быть невидимым.

И на этом разговор закончился.

3. Мирабель

Эльфийку они нашли в лесу через полгода.

Шёл дождь. Холодный, осенний, из тех, что превращают небо в серую тряпку, а воду заставляют течь за шиворот непрерывно, ледяными струйками вдоль позвоночника. Они возвращались с неудачного заказа — опять обманули — и молча искали, где укрыться на ночь, стараясь не смотреть друг на друга: у каждого было своё раздражение, которое лучше было держать при себе.

И наткнулись на неё у старого дуба.

Девушка сидела, прислонившись спиной к стволу, и даже под дождём выглядела... неземной. Длинные серебристые волосы прилипли к лицу, кожа была бледной, с голубоватым оттенком, а глаза — глаза оказались фиолетовыми, с вертикальными зрачками, как у кошки. Одетая она была в дорожный костюм из тёмно-синей ткани — куртка с высоким воротником, узкие штаны, высокие сапоги из мягкой кожи. Никакого платья, никаких юбок — всё подогнано для быстрого движения и долгой дороги.

На левой руке у неё было кольцо с чёрным камнем. Камень слабо мерцал, даже сквозь пелену дождя, будто светился изнутри.

Она была ранена. Стрела торчала из плеча, и крови натекла целая лужа, уже смешавшаяся с дождевой водой и опавшей листвой.

Яра, не раздумывая ни секунды, бросилась к ней, подхватила на руки — легко, будто пушинку. Девушка открыла глаза — медленно, как сова, — и посмотрела на неё снизу вверх.

— Ты... не человек, — прошептала она едва слышно.

— Яра, — представилась та, улыбаясь. — Яра лечить не умеет. Но Яра греет.

И она прижала эльфийку к своей груди, укрывая её от дождя собственным телом, пытаясь согреть.

Филбик суетился вокруг, пытаясь развести костёр под ливнем и ругаясь сквозь зубы на отсыревший трут. Корвин стянул плащ и накинул на обеих женщин.

— Надо вытащить стрелу, — сказал он. — Иначе умрёт.

— Я знаю, — тихо ответила эльфийка. — Делайте. Я потерплю.

Она не закричала, когда Корвин вытаскивал стрелу — только зажмурилась так крепко, что побелели веки, и стиснула зубы. А чёрный камень на её пальце полыхнул так ярко, что Филбик отпрыгнул в сторону, прикрывая глаза локтем. А потом она потеряла сознание.

Они несли её на руках до ближайшей деревни трое суток. Яра не жаловалась ни разу. Корвин молился на каждом привале. Филбик бегал вперёд, разведывал дорогу и ворчал, что она лёгкая, как пушинка, хоть и эльфийка — но в его ворчании слышалось что-то похожее на заботу.

Когда она очнулась, то первым делом спросила, хрипло и настороженно:

— Зачем?

— Что зачем? — не понял Корвин.

— Зачем вы спасли меня? Я чужая. Не человек. Моя магия опасна. Меня изгнали из Сильванора, потому что я... другая.

— Мы все тут другие, — буркнул Филбик из угла, не поднимая глаз от ножа, который точил. — Я гном-воришка, который вечно в бегах, Яра людей топорами рубит и при этом цветочки любит, а этот, — он кивнул на Корвина, — паладин, который язычницу с собой таскает. Какая разница, какая у тебя магия?

Мирабель посмотрела на них долгим взглядом, изучающим, недоверчивым. Потом чуть улыбнулась — впервые, едва заметно.

— Меня зовут Мирабель. И я умею то, чего не умел никто уже более трёхсот лет среди эльфов.

— И что же? — спросил Корвин, подавшись вперёд.

— Я вижу ткань мира. И могу её... поддеть. Раздвинуть. Пройти там, где другие не пройдут.

Филбик присвистнул, едва не порезавшись о собственный нож.

— Это круто.

— Это опасно, — поправила Мирабель, и в голосе её звякнула сталь. — Если ошибусь — порву реальность. И никто её уже не починит.

В убежище повисла тишина — плотная, немного пугающая. А потом Яра молча подошла, села рядом и просто положила голову ей на плечо, будто ничего страшнее слов эльфийки в жизни не слышала.

— Ты теперь наша, — сказала она. — Яра защитит.

И Мирабель, впервые за много лет, позволила себе поверить.

4. Дракон

Через год они встретили дракона.

Это случилось в горах, когда они возвращались с заказа и срезали путь через перевал. Дракон был старый, огромный, чешуйчатый, с глазами-пропастями, в которых, казалось, отражалась сама пустота. Он спал, свернувшись между валунами, но они разбудили его — неосторожным шагом, звоном металла, самим своим присутствием.

Бой длился, казалось, вечность.

Корвин пытался держать строй, но драконья чешуя со звоном отражала удары, высекая искры. Яра метала камни и орала так, что с гор сходили лавины, поднимая облака снежной пыли. Филбик метался, прятался за валунами, выскакивал и колол дракона ножами, как назойливый комар — без толку, но не переставая пытаться. А Мирабель стояла в стороне и делала то, что умела только она.

Она рвала пространство.

Перед мордой дракона одна за другой открывались тёмные провалы, и его же собственный огонь уходил в никуда, в пустоту. Потом провалы открывались у него за спиной, и пламя било в его же хвост, заставляя зверя реветь от боли и неожиданности. Дракон бесился, метался из стороны в сторону, но не мог достать эльфийку — она просто переставляла себя на пять шагов в сторону, искажая расстояние между ними одним усилием воли.

Филбик, задыхаясь от бега, заметил слабое место — нависший над драконьим логовом валун, треснувший у основания. Он полез на скалу, цепляясь за выступы содранными в кровь пальцами, добрался до вершины и принялся долбить кинжалом трещину.

— Яра! — заорал он, срывая голос. — Бей сюда! Целься в меня!

Яра подхватила обломок скалы обеими руками и метнула его с разворота. Филбик едва успел отпрыгнуть, вжавшись в камень, а обломок ударил точно в трещину. Валун покачнулся, закрипел, будто застонал, и рухнул вниз — прямо на дракона.

Зверь взревел так, что у всех четверых заложило уши и пошла кровь, но камень придавил ему крыло. Дракон дёрнулся, рванулся из последних сил, вырвался и улетел, заливая всё вокруг чёрной дымящейся кровью.

Они остались на перевале — израненные, обессиленные, засыпанные каменной крошкой, но живые.

В ту ночь у костра, глядя на пляшущие языки пламени, Корвин долго молчал, ощупывая треснувший наруч. Потом сказал:

— Мы вместе уже год. Брали заказы, делили хлеб, сегодня едва не погибли все разом ради друг друга. А до сих пор представляемся Гильдии кто во что горазд — то поодиночке, то «паладин и его спутники». Пора это прекратить. Нам нужно настоящее название. Отрядное.

— Так и раньше можно было, — пожал плечами Филбик, баюкая ободранные пальцы. — Что сейчас-то приспичило?

— Сейчас понятно, что мы не просто попутчики, — ответил Корвин. — Дракон это доказал. — Он обвёл взглядом их всех — потрёпанных, в подпалинах и чужой крови, но живых. — Раньше казалось — рано. А теперь я точно знаю: поздно было бы уже вчера.

Филбик хмыкнул, признавая правоту, и почесал в затылке, оставляя на волосах свежую сажу.

— Ну раз так... — Он на миг задумался, вертя в руках обломок ножа. — «Сломанный Клык», — предложил он наконец. — В честь того кабана, помните?

— Помним, — усмехнулся Корвин, потирая ушибленное плечо. — Пусть будет «Сломанный Клык».

Яра расплылась в улыбке и подползла ко всем по очереди, чтобы обнять. Сначала Корвина — у того хрустнули рёбра. Потом Филбика — тот пискнул, но стерпел, зажмурившись. Потом Мирабель — та только вздохнула обречённо и погладила её по спутанным волосам.

— Ты нас задушишь когда-нибудь, — сказала эльфийка, но без всякого раздражения в голосе.

— Яра любит, — ответила та просто.

И это было правдой.

ГЛАВА 1. Последний шанс

1. Гильдия

Железный Порт встречал утро привычным запахом тухлой рыбы, дешёвого пива и морской соли.

Где-то внизу, у причалов, орали чайки, перекрикивая матюки грузчиков, которые разгружали очередную галеру — скрип канатов и глухие удары тюков о доски долетали даже сюда, на холм. На возвышенности, где стояли особняки купцов, жизнь только просыпалась, лениво потягиваясь под первыми лучами солнца, но сюда, в район Старой Верфи, солнце заглядывало редко — мешали трубы кожевненных мастерских и покосившиеся фасады доходных домов, обступавшие узкие улочки, как усталые старики. Воздух здесь был тяжёлым и влажным, пропитанным потом, гнилью и почему-то жареным луком — из подворотни, где кто-то жарил пирожки, пробивался этот нелепо-уютный запах, совершенно чужой окружающей нищете.

Здание Гильдии Авантюристов в этом районе было единственным, что выглядело прилично. Два этажа из серого камня, тяжёлая дубовая дверь с коваными петлями, над крышей — флюгер в виде дракона, проржавевший, но всё ещё исправно вертящийся на ветру. Крыльцо было истёрто тысячами ног, и в щелях между камнями упрямо пробивался мох, цепляясь корнями за трещины.

Внутри пахло потом, старой кожей и — удивительно — свежими пирогами. Трактирщица из соседней забегаловки подкармливала писарей Гильдии, чтобы те быстрее оформляли её заказы на доставку муки. Писари сидели за высокими стойками, скрипели перьями и время от времени отправляли в рот куски пирога с капустой, не отрываясь от бумаг.

Отряд «Сломанный Клык» вошёл внутрь ровно в тот момент, когда большой живот настенных часов лениво качнулся и пробил восемь утра. Бронзовый маятник сверкнул в свете масляных ламп — окон здесь было мало, и даже днём горел свет, отбрасывая жёлтые блики на дубовые балки потолка.

Внутри было людно. У длинной стойки толпились искатели приключений. Двое людей в кожаных доспехах спорили с писарем о цене за шкуры волков — тот предлагал в три раза меньше, чем они рассчитывали, и голоса становились всё громче. Полуголый орк в одних штанах пытался объяснить жестами, что ему нужно «мясо, много мяса», и тыкал пальцем в доску объявлений так настойчиво, будто грозился её проткнуть. В углу за кружками сидели трое гномов и мрачно пили пиво, изредка поглядывая на ту самую доску и тяжело вздыхая.

— Опять пусто, — буркнул Филбик, подпрыгивая, чтобы заглянуть через плечи высоких людей.

Ростом гном был всего три с половиной фута — где-то по пояс взрослому мужчине. Но это с лихвой компенсировалось наглостью, которой хватило бы на отряд из шести человек. Рыжая борода была заплетена в косички и кое-где торчала неровными клочками — следствие привычки пробовать ножи на собственных волосах. На поясе болталось не меньше дюжины ножей — метательных, обычных, один даже с костяной рукояткой, похожий на столовый, только острее. Одежда — тёмно-зелёный плащ с капюшоном, заляпанный грязью, и куртка из грубой кожи, во многих местах потёртая до белых пятен.

— Смирение, Филбик. Терпение — добродетель, — прогудел Корвин.

Он возвышался над толпой, как скала над морем. Под два метра ростом, шириной в плечах почти с дверной проём. Даже без доспехов — только простая холщовая рубаха, перетянутая ремнём, — он внушал уважение. Светлые волосы стянуты в хвост кожаным шнурком. На шее — грубый серебряный амулет с эмблемой Ордена Светоносного: восходящее солнце с

мечом вместо луча. Лицо простое, открытое, с крупными чертами, но глаза цепкие, быстрые. Он оглядел зал, привычно отметил, где находятся выходы, кто вооружён, и лишь потом повернулся к стойке.

— Терпение — это когда ждёшь, пока пиво нальют, — отозвался Филбик. — А когда ждёшь работу третью неделю, это уже нищета.

Яра, стоявшая чуть поодаль, ничего не сказала. Она вообще говорила мало, предпочитая действия. Сейчас она разглядывала пирожок, забытый на краю стола каким-то посетителем. Пирожок был уже холодный, с надкушенным боком, но Яру это ничуть не смущало.

Она была огромна — ростом почти с Корвина, но шире в кости. Руки, как брёвна, сплошь в мелких шрамах. Копна спутанных тёмных волос падала на лицо, и она то и дело сдувала пряди, чтобы видеть. Одежда — меховая безрукавка поверх длинной льняной рубахи, подпоясанная верёвкой. На ногах — высокие меховые сапоги, подшитые кожей. На поясе висел топор — простой, без украшений, но заточенный так, что им можно было бриться. Лезвие отполировано до блеска постоянным использованием.

Лицо у Яры было круглое, с мелкими веснушками на щеках и совершенно детским выражением любопытства, когда она смотрела на еду. Она взяла пирожок, понюхала — пахло капустой и луком, — потом перевела взгляд на Корвина и тихо спросила:

— Это можно?

Корвин вздохнул. Яра никогда не брала чужого без спроса, если дело не касалось врагов на поле боя. Он кивнул, и она отправила пирожок в рот целиком, жуя с видимым удовольствием. Глаза её при этом довольно сощурились.

Мирабель стояла у окна, отдельно от всех.

Высокая, тонкая, как тростинка, она казалась призраком в этом грубом мире. Длинные серебристые волосы распущены, спадают почти до пояса, и в полумраке Гильдии они светились слабым, едва заметным светом. Одежда, в отличие от спутников, была подобрана со вкусом и практичностью: тёмно-синяя куртка из плотной шерсти с высоким воротником, на спине — серебряная вышивка, изображающая звёздное небо. Узкие штаны из той же ткани заправлены в высокие сапоги из мягкой чёрной кожи — такие не промокают и не натирают даже после долгого похода. На плечи накинута дорожная мантия, тоже тёмно-синяя, с капюшоном, расшитая серебряными нитями, складывающимися в сложные узоры — магические символы, смысл которых понимала только она.

Кожа у Мирабель была бледной, с лёгким голубоватым отливом — признак чистой эльфийской крови, не смешанной с человеческой веками. Но главное — глаза. Фиолетовые, с вертикальными зрачками, как у кошки, они смотрели на мир с лёгкой скукой и чем-то ещё, что трудно было определить. Страх? Тоска? Знание чего-то, что другим не дано.

Сейчас она смотрела на улицу сквозь мутное стекло, где какой-то пьяница мочился на стену дома напротив, и лицо её выражало лёгкую брезгливость. Тонкие пальцы, унизанные серебряными кольцами, слегка касались подоконника. На безымянном пальце левой руки кольцо с крупным чёрным опалом слабо мерцало — это был фокус для её магии, усилитель, без которого любое заклинание давалось втрое тяжелее.

— Эй, писарь! — крикнул Филбик, пробиваясь к стойке локтями. — Дай посмотреть!

Молодой парень в очках, с пером за ухом, лениво отодвинул стопку бумаг и обвёл взглядом столпившихся у стойки людей — тех самых, что спорили о шкурах волков, и орка, тыкавшего в доску объявлений.

— Видишь, сколько народу перед тобой? Ждите своей очереди.

— Мы ждём две недели! — взвизгнул гном.

— Все ждут, — философски заметил писарь, не поднимая головы. — Война на севере затихла, дракона в горах убили, разбойников перевешали — работы на всех не напасёшься. Вы бы лучше шкуры волчьи принесли, а не штаны у стойки протирали.

Яра, услышав слово «дракон», вдруг перестала жевать и посмотрела на Корвина. Тот легонько качнул головой — не сейчас, потом.

Их дракон. Тот самый, что едва не сжёг их в горах. Они не убили его, только прогнали, и молва приписала победу какому-то другому отряду — более известному и богатому. Но те трое гномов в углу, возможно, знали правду? Они косились на странную компанию: огромный паладин, варвар-женщина, гном-плут и эльфийка-маг. Смешной набор. Но опытные гномы знали: такие наборы часто выживают там, где пафосные рыцари в сверкающих доспехах ломают шеи.

В этот момент дверь Гильдии распахнулась, впуская порыв сырого ветра и мелкого дождя.

Вошедший был стар. Лет шестидесяти, а может, и больше — крестьяне стареют быстро. Сгорбленный, в простом армяке из грубой некрашеной шерсти, подпоясанном верёвкой. Лысая голова блестела от влаги, жидкая седая бородёнка тряслась при каждом шаге. Сапоги — старые, разбитые, обмотанные тряпками в тех местах, где кожа прохудилась. Он оглядел зал подслеповатыми глазами и, заметив, что у стойки толпа, направился прямо туда, обходя лужи, натёкшие с сапог авантюристов.

— Мне бы... — начал он тихо, почти шёпотом. — Мне бы искателей... настоящих.

Писарь глянул на него с высоты своего стула с ленцой и превосходством.

— Заказ у вас какой? — Старик замялся, не сразу сообразив, что от него хотят, и писарь, не дождавшись внятного ответа, раздражённо защёлкал пальцами, будто подгоняя. — Ну! По оплате как? Заказ оформлен? Гербовая бумага есть?

— Какая бумага... — старик засуетился, вытащил из-за пазухи тощий кошелек, звякнул медью — жалкая горстка монет, на которые даже не пообедаешь в приличной таверне. — Мы люди простые, деревня наша бедная, но... совсем беда.

— Беда у всех, — отмахнулся писарь. — Иди в Храм, там бесплатно помогают.

— В Храме сказали — не их это дело, — прошептал старик, и в голосе его послышался такой ужас, что писарь на мгновение поднял глаза. — Это... это людское.

Корвин, услышав это, сделал шаг вперёд. Его тяжёлая рука легла на плечо старика — осторожно, чтобы не напугать, но достаточно уверенно, чтобы тот понял: его услышали.

— Мир тебе, отец. Что стряслось?

Старик вздрогнул всем телом, обернулся, увидел огромного паладина, его светлые глаза, спокойное лицо, амулет на шее — и вдруг часто-часто заморгал, словно боялся, что ему мерещится.

— Господин... рыцарь... — голос его задрожал сильнее, а пальцы судорожно вцепились в край армяка. — Помогите. Деревня наша... Жарден. На краю Тенистого Леса. Раньше жили, беды не знали. Мёд у нас знатный, яблоки, скотина. А теперича... тени приходят. По ночам. Скот воруют. Людей... уже троих утащили. Кто уйдёт в лес — не возвращается. Мы уж и стражу нанмали, да стража та тоже сгинула.

Он говорил сбивчиво, глотая слова, комкая их от волнения, но в глазах стоял такой неподдельный ужас, что даже писарь перестал скрести пером по бумаге и уставился на старика поверх очков.

Филбик мигом оказался рядом, уцепился за рукав Корвина, потянул вниз. Гномьи глаза бежали, как мыши по амбару.

— Корвин. Тени, значит. В лесу. — Филбик поёжился, будто уже почувствовал могильный холод из чащи. — Мне это не нравится. Тут медью не пахнет, тут... — он понизил голос до шёпота, почти беззвучного, только губы шевелились. — Тут пахнет некромантией. Я такие запахи за версту чую.

Корвин нахмурился. Некромантия — ересь из ересей. Поднимать мёртвых, красть жизнь, мучить души. Его долг — защищать живых от нежити.

— Сколько? — коротко спросил он.

— Что сколько? — не понял старик.

— Сколько готовы заплатить?

— У нас... мёд есть. Мёд у нас знатный, прошлогодний, липовый. И овцы. Две овцы можем дать. Или три, если... если спасёте всех.

Филбик фыркнул, но Корвин поднял руку — жест, не терпящий возражений.

— Мы пойдём, отец. Как тебя звать?

— Клуней я. Клуней, староста жарденский.

— Мы поможем, Клуней.

Яра, дожидаясь пирожок, подошла поближе и положила руку на топор. Лезвие тускло блеснуло в свете ламп. Она ещё не понимала, что случилось, но слово «тени» ей не понравилось. Тени — это враги, которых надо рубить. Это она понимала хорошо.

Мирабель медленно повернулась от окна. Её фиолетовые глаза скользнули по старику, по его трясущимся рукам, по лицу, по тому, как он сжимал тощий кошель. Что-то мелькнуло в её взгляде — может, искра интереса, может, тревога. Она ничего не сказала, только поправила мантию и бесшумно шагнула ближе к группе.

— Вот и славно! — всплеснул руками Клуней. — Вот и спасибо вам, господин хороший! Прямо сейчас пойдём? У меня внук за околицей ждёт, лошадь у него, довезёт нас.

— Пошли, — кивнул Корвин и, обернувшись к остальным, добавил тихо: — Собирайтесь. Чутьё мне подсказывает, что мёдом там не пахнет.

Филбик закатил глаза, но полез за пазуху проверять, все ли ножи на месте — все двенадцать, по счёту.

Яра улыбнулась. Новое приключение — это весело. Может, там будет кого побить.

Мирабель лишь опустила ресницы, скрывая блеск зрачков. Она чувствовала то, что другие не могли — лёгкую дрожь пространства вокруг этого старика. Словно сама реальность была чуть-чуть... надорвана. Как старая ткань, которую много раз штопали, но она всё равно расползается по швам.

Но говорить об этом пока рано.

2. Дорога на Жарден

Они вышли из города через Северные ворота, когда дождь усилился.

Серые струи хлестали по лицам, затекали за воротники, превращали дорогу в месиво грязи. Клуней семенил рядом с тощей лошадкой, на которой сидел его внук — молчаливый паренёк лет двенадцати, с такими же испуганными глазами, как у деда. Парнишка кутался в рванный зипун, ёжился, но не жаловался. К лошади была привязана телега, да только была она такой маленькой, что всем было проще идти пешком. В телегу же сложили те немногие вещи, что взяли с собой.

Отряд шагал пешком. Корвин впереди — меч на поясе, щит за спиной, капюшон натянут на самые глаза. Яра за ним, с топором на плече, шагала широко, легко, не замечая тяжести. Сапоги её чавкали по грязи, но она только улыбалась дождю, подставляя лицо холодным каплям, будто те доставляли ей удовольствие.

Мирабель шла чуть поодаль, и было в её походке что-то необычное. Сапоги касались грязи, но не вязли в ней — словно она ступала по невидимой твёрдой поверхности. Это был не фокус, не колдовство в прямом смысле, а часть её дара: она слегка искажала пространство под ногами, отталкивая грязь. Сама того не замечая.

Филбик то исчезал в придорожных кустах, то снова появлялся, проверяя, нет ли слежки. Привычка, въевшаяся в кровь за годы воровской жизни.

Тракт быстро кончился, сменившись просёлочной дорогой, размытой дождём в грязевое месиво. Ноги увязали по щиколотку, а местами и по колено. Яра шла легко, не замечая тяжести, и даже находила силы рассматривать птиц на мокрых ветках. Корвин мерил шагами километры, шевеля губами — молился.

— Давно творится такое? — спросил Корвин у старика, когда они вошли в лес.

Клуней шёл тяжело, опираясь на палку, но старался не отставать. Лицо его покраснело от напряжения, на лбу выступил пот вперемешку с дождевой водой, и дышал он всё чаще, с присвистом.

— С месяц, господин. Сначала думали — волки. Ну, волки и волки, бывает. У нас в лесу их всегда хватало. Потом поняли — не волки. Те не таскают овец через забор, не оставляют следов... а эти оставляют только мокрое пятно, будто туман прошёл.

— Тени, — подал голос Филбик из кустов. — Я ж говорю, некромантия.

— Молчи, Филбик, — осадил его Корвин. — Не пугай раньше времени.

— Я не пугаю, я предупреждаю.

Лес вокруг становился гуще. Это был уже не ухоженный подлесок возле тракта, где крестьяне собирали хворост и грибы, а настоящая чаща Тенистого Леса. Деревья здесь росли старые, замшелые, их ветви сплетались так плотно, что дневной свет едва пробивался сквозь листву, окрашивая всё в зеленовато-серые тона. Воздух был сырым, тяжёлым, пахло прелой листвой и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как от переспелых фруктов, только этот запах шёл не от фруктов.

Тишина стояла неестественная — ни птиц, ни звериного шороха. Только хлопанье грязи под ногами да тяжёлое дыхание старика.

Мирабель вдруг остановилась. Подняла руку, и все замерли.

— Что там? — шепнул Филбик, вынимая нож.

— Ничего, — тихо ответила эльфийка. — Именно что ничего. Лес должен жить. Здесь должны быть птицы, белки, мыши. Хоть что-то. А он... пустой. Слышите?

Они прислушались. Тишина давила на уши, как вата. Даже дождь, казалось, стучал по листьям глуше, чем обычно.

— Пространство здесь иное, — продолжала Мирабель, и голос её звучал глухо, словно из-под воды. — Словно его... выскребли. Оставили только оболочку, а содержимое вынули.

— Это плохо? — спросила Яра, не понимая сложных слов, но чувствуя тревогу подруги.

— Это значит, что враг умеет не только красть скот, — ответила Мирабель, и фиолетовые глаза её потемнели, зрачки расширились, заняв почти всю радужку. — Он крадёт саму жизнь у земли. Питается ею.

Корвин сжал рукоять меча так, что побелели костяшки.

— Веди, старик. Мы должны увидеть это своими глазами.

3. Жарден

Деревня открылась внезапно, за поворотом.

Сначала потянуло дымом — обычным, печным, человеческим, таким домашним, что на миг показалось: ничего страшного здесь и быть не может. Потом показались крыши: десятка два домов, крытых соломой и дранкой, окружённых покосившимися плетнями. За околицей — поля, уже сжатые, голые, торчат только редкие пожухлые стебли. Огороды с почерневшей от заморозков ботвой. Несколько коров на привязи у крайнего дома — тощие, понурые, они жевали сено без всякого аппетита, будто и им передалась общая тревога.

Обычная деревня. Таких по королевству сотни.

Но Мирабель, едва ступив на деревенскую улицу, почувствовала это: лёгкое покалывание в кончиках пальцев, дрожь в опале на кольце — та же самая, что и у старосты в Гильдии, только сильнее. Пространство здесь было... таким же рваным. Заразным, будто гниль расплзлась дальше, чем сам источник. Всё это было невидимо обычному глазу, но для неё — очевидно, как открытая рана.

Жители попрятались. Лишь пара мужиков у колодца проводили их настороженными взглядами, не отрывая рук от вёдер, да из окон выглядывали бледные лица, тут же исчезающие за занавесками. Кто-то торопливо задёрнул штору. Где-то заплакал ребёнок — и быстро затих, словно его прижали к груди, чтобы не шумел.

— Вот, — развёл руками Клуней, кивая на дом с резными наличниками в центре улицы. — Дом мой. Пойдёмте, отдохнёте с дороги. А вечером... сами увидите.

Корвин кивнул, но не двинулся с места.

— Мы останемся. Но сначала покажи, где пропадали люди. И где в последний раз видели тени.

Старик замялся, переступил с ноги на ногу, комкая в руках край армяка, потом обречённо махнул рукой:

— У околицы, где поля кончаются и лес начинается. Там и забор повалили, и следы... странные. Пойдёмте.

Они пошли к околице.

И чем ближе подходили, тем сильнее сжималось кольцо на пальце Мирабель — металл начал ощутимо холодить кожу, — тем отчётливее она чувствовала: в этом месте грань между мирами истончена до предела. А за гранью — кто-то смотрит на них.

Ждёт.

4. Изба Клуenea

В доме старосты пахло сушёными травами — мята, зверобой, чабрец висели пучками под потолком, покачиваясь от сквозняка. Пахло кислым хлебом — вчерашним, накрытым тряпичей на лавке. И ещё чем-то тяжёлым, вьёвшимся в бревенчатые стены за многие годы — страхом. Этот запах ни с чем не спутать: он оседает в дереве так же прочно, как дым от очага.

Здесь жили несколько поколений. В красном углу — небольшое святилище: деревянная статуэтка покровителя дома, перед ней масляная лампадка, крошечный огонёк теплится день и ночь, будто последняя нить, связывающая этот дом с покоем. Грубая деревянная утварь развешана по стенам: ухваты, ложки, решето. Очаг занимал треть дома — сложенный из камня, с лежанкой наверху, где сейчас сидел внук Клуenea и таращился на гостей круглыми глазами, поджав под себя ноги.

Клуenea суетился, пытаясь накормить гостей — выставил на стол миску с солёными огурцами, краюху хлеба, крынку молока. Но Яра уже сама нашла горшок с похлёбкой в очаге, вытащила голыми руками, обжигаясь и не морщась, и теперь сидела на лавке, довольно причмокивая и макая хлеб прямо в горшок.

Корвин стоял у окна, вглядываясь в сумерки. День угасал быстро — в Тенистом Лесу всегда так: солнце ныряет за кроны, и тьма наваливается внезапно, как мешок на голову.

— Скоро выйдут, — пробормотал он, не оборачиваясь.

— Если выйдут, — отозвался Филбик.

Гном сидел в углу у очага, где было темнее всего, и чистил свои ножи. Делал он это с любовью, почти нежно, проводя оселком по лезвию и пробуя заточку на собственном волосе, выдернутом из бороды. Рыжая борода от этого становилась всё более клочковатой, но Филбику было плевать. Ножи для него были важнее причёски.

— Ты бы свет зажёл, — буркнул он, косясь на Корвина. — А то стоишь как мишень. В окне. На фоне.

— Я не боюсь теней, — ответил паладин.

— Зря.

Голос принадлежал Мирабель. Она сидела за столом, перебирая сухие листья, которые Клуenea выдал за целебный чай, и даже не поднимала глаз. Но пальцы её вдруг замерли, и чёрный опал на кольце слабо замерцал — сам по себе, без её желания.

— Тени бывают разные. Те, что крадут скот — одно. Те, что гасят свет — другое. А есть тени, которые живут своей жизнью. И их не убить мечом.

— Чем же их убить? — спросила Яра, отрываясь от миски.

— Светом. Правдой. Силой, которая старше смерти. — Мирабель подняла глаза, и в их фиолетовой глубине мелькнуло что-то древнее. — Или тем, кто умеет с ними разговаривать.

Она помолчала и вдруг посмотрела прямо на Филбика. В упор. Тот замер с ножом в руке, оселок так и застыл на весу.

— Что? — насторожился он.

— Ты пахнешь тенью, — спокойно сказала Мирабель. — Не как враг. Как... свой. Ты долго учился, правда? Годами. Терпел боль, ошибки, может быть, даже чуть не погиб. Но научился.

Филбик побледнел под слоем дорожной грязи так, что стало видно — кожа у него на самом деле светлая, просто обычно скрыта под копотью и пылью. Нож в его руке мелко задрожал.

— Откуда ты...

— Я чувствую пространство, — перебила эльфийка. — Я вижу, где оно искажено. Ты искажаешь его, когда прячешься. Ты не просто становишься невидимым. Ты... уходишь. В другое измерение.

В доме повисла тишина. Даже Яра перестала жевать и уставилась на гнома, забыв про недоеденный кусок хлеба в руке.

Корвин медленно обернулся от окна.

— Это правда, Филбик?

Гном отложил нож — аккуратно, почти торжественно, будто хотел выиграть себе ещё пару мгновений тишины. Посидел, глядя в пол на шербатые доски. Потом вздохнул — тяжело, обречённо, так, как вздыхают, когда решают наконец сбросить груз, который тащили годами, — и заговорил. Впервые за всё время, что они знали друг друга, так длинно и серьёзно.

— Правда. Только я вам не рассказывал, потому что... ну, стыдно как-то. Гномы не должны колдовать. У нас нет дара. Совсем. Это все знают. Моя мать в шахте погибла, когда мне пять лет было. Отец запил, а потом замёрз зимой. Я рос сам по себе, в Каз-Торуме, среди камня и железа. И всё время прятался. В щелях, в темноте, за бочками, в заброшенных штольнях. А потом заметил: если долго сидеть в тени, она... становится мягкой. Как вода. Можно вдохнуть поглубже и нырнуть.

Он провёл рукой по лицу, стирая пот — хотя в доме было не жарко, и от этого жест выглядел ещё тревожнее.

— Я чуть не утонул в первый раз. Вынырнул — а вокруг ночь, я в другой части города, и никто меня не видел. Два года учился не захлебнуться. Тени — они живые. Они помнят всё, что видели, всех, кто в них падал. Если не умеешь дышать в тени, она сожрёт тебя, выплюнет пустую шкурку. Я видел таких. Они потом по улицам ходят, глаза пустые, и своя тень их боится — не ложится следом.

Яра вздрогнула, крепче стиснув в руках миску. Она не любила ничего, связанного с пустыми глазами. В её племени таких называли «потерянные» и обходили стороной.

— И ты умеешь? — спросил Корвин. — Дышать там?

Филбик кивнул.

— Теперь да. Ненадолго. Минут на десять, если сильно постараться. Дольше — начинает тянуть обратно, засасывает, и я вынырываю, пока не утянуло насовсем. Но подсмотреть, подслушать, пройти незаметно — лучше способа нет. Я потому и в разведку всегда сам хожу. Не потому что я смелый, а потому что... — он усмехнулся криво, грустно, и усмешка тут же погасла. — Потому что я там как рыба в воде. В тени то есть.

Мирабель смотрела на него с новым интересом, без обычной своей отстранённости.

— Ты сам дошёл до этого. Без наставников, без книг, без учителей. Просто потому, что должен был выжить. — Она помолчала, и в тишине было слышно, как потрескивает лампадка перед домашним святилищем. — Это редкий дар, Филбик. Не магический — воровской. Ему нельзя научить. Его можно только украсть у самой смерти.

— Ну, я всегда хорошо воровал, — попытался отшутиться гном, но голос дрогнул на последнем слове.

Корвин подошёл и положил тяжёлую ладонь ему на плечо. Ладонь была тёплой, большой, надёжной.

— Ты наш брат, Филбик. Не важно, как ты прячешься. Важно, что ты всегда возвращаешься.

Яра, недолго думая, поднялась, подошла и просто обняла гнома. Обняла так, как умела только она — со всей своей огромной силой и нежностью. Так, что у Филбика хрустнули рёбра и из глаз брызнули слёзы — то ли от боли, то ли от тепла, которого он не знал много лет.

— Ладно, ладно, — просипел он, упираясь руками в её медвежьи объятия. — Задушишь, великанша. Отпусти, дышать нечем.

Яра отпустила, довольно улыбаясь.

За окном вдруг что-то метнулось. Корвин мгновенно оказался у окна, меч наполовину вышел из ножен.

— Там кто-то есть.

Все замерли. Сердце Яры, казалось, билось так громко, что слышно было на улице.

Филбик выскользнул из-за стола, подбежал к стене, где от очага падала густая, плотная тень. Оглянулся на остальных, коротко кивнул и...

Исчез.

Прямо на глазах.

Сначала как будто поблекли очертания его фигуры — краски стекли в серый, контуры поплыли. Потом тело стало плоским, как лист бумаги, как рисунок на стене. Потом втянулось в темноту, оставив после себя лишь лёгкое колебание воздуха, похожее на дрожь от горячего очага.

Яра ахнула, прижав ладони ко рту.

Корвин перекрестился знаком Светоносного.

Мирабель чуть улыбнулась — впервые за долгое время. Улыбка вышла тонкой, понимающей, почти нежной.

— Красиво, — прошептала она.

ГЛАВА 2. Тени на пороге

1. Внутри тьмы

Филбик двигался в тени, как рыба в мутной воде.

Мир вокруг стал плоским, серым, лишённым цвета, но полным звуков и запахов. Здесь не было ветра, не было температуры в привычном смысле — только ровный, холодный полумрак, который проникал в каждую клеточку тела, оседая на коже липким инеем. Но зато здесь было слышно всё, будто кто-то снял с мира войлочную обёртку, приглушавшую звуки при свете дня.

Филбик слышал, как бьются сердца людей в соседних избах — ритмично, тревожно, быстрее обычного, будто весь Жарден одновременно затаил дыхание. Слышал, как скребётся мышь под полом в доме через два плетня. Слышал, как далеко в лесу ухает сова — ухает и замолкает, словно кто-то зажимает ей клюв.

И ещё он слышал нечто иное — тяжёлое, влажное дыхание, словно кто-то огромный и мокрый полз по земле, волоча за собой слизь и тину. От этого звука у Филбика похолодело в животе, и он на миг пожалел, что вообще сюда сунулся.

Филбик скользнул вдоль стены, используя тень как коридор. Выглянул наружу через тень, которую отбрасывал плетень на дорогу.

И увидел их.

Тени.

Их было трое. Они не имели формы — просто сгустки черноты, более плотные, чем ночной мрак. Они не были похожи на людей, зверей или чудовищ. Они были просто... тьмой, которая решила двигаться самостоятельно. Текли по земле, обтекая кочки и камни, и там, где они проходили, трава серела на глазах, съёживалась и увядала, рассыпаясь в прах с сухим шорохом, похожим на шёпот.

Одна из теней подползла к курятнику крайней избы. Чернота взметнулась, хлестнула, как плеть, и курица внутри жалобно пискнула — и замолкла на полуслове. Тень потекла дальше, унося с собой что-то невидимое, но живое — Филбик почувствовал, как из курятника ушло тепло жизни, будто кто-то дунул на догорающий уголёк.

Он ощутил, как в его убежище заскребся холод. Тени почуяли его? Нет, они двигались мимо, слепые, но голодные. Они искали не его. Они искали тех, кто слабее, кто спит и не ждёт опасности.

Филбик вынырнул из тени так же бесшумно, как исчез, — просто проявился из темноты за спиной Корвина. Воздух дрогнул, сгустился, и гном стоял рядом, тяжело дыша, будто пробежал милоу бегом.

Паладин вздрогнул, но не обернулся — привык уже.

— Там, — шепнул Филбик, хватая ртом воздух. — Три штуки. Ползут к центру деревни. Нежить? Не знаю. Но они пьют жизнь. Я видел, как трава вянет.

— Веди, — коротко приказал Корвин, вынимая меч из ножен. Клинок тускло блеснул в темноте. — Мирабель, ты со мной. Яра, прикрывай нас с тыла. Филбик, держись в тени, следи, откуда они приходят. Найди их логово.

— А если их больше? — спросила Яра, берясь за топор обеими руками. Лезвие тускло блеснуло.

— Значит, порубим больше, — ответил Корвин и первым вышел в ночь.

2. Схватка

Ночь была тёмной — луна спряталась за тучами, и только слабый свет из окон изб разгонял мрак. Дождь кончился, но воздух остался тяжёлым, влажным, пропитанным запахом мокрой земли и прелых листьев.

Они нашли теней на околице, там же, где днём стояли, вглядываясь в лес. Три чёрные фигуры колыхались над землёй, и от них тянуло могильным холодом — таким сильным, что трава под ними уже почернела и рассыпалась в прах, обнажив голую землю.

— Во имя Света, — начал Корвин, поднимая меч.

Клинок засиял слабым золотистым огнём — благословение Ордена, которое он носил в себе годами молитв и поста. Свет разогнал тьму на несколько шагов вокруг, и тени отшатнулись, зашипев.

— Кто вы и что вам нужно?

Тени не ответили. Они просто повернулись к нему — все сразу — и бросились.

Корвин встретил первую ударом меча. Клинок, светящийся золотом, рассёк черноту, и та разлетелась брызгами, как вспугнутая стая ворон. Но тут же собралась снова, набросилась на паладина, пытаясь обвить его руки холодной, мертвящей удавкой. Корвин зарычал, рванулся, но тень держала крепко, высасывая тепло — он чувствовал, как немеют пальцы, как в груди становится тесно, будто кто-то выкачивает воздух из лёгких.

Вторая тень рванула к Яре. Варварша рубанула топором — топор прошёл сквозь черноту, не встретив сопротивления, и врезался в землю, выбив ком грязи. Но в ответ тень хлестнула её по лицу, и Яра вскрикнула — на щеке мгновенно вздулась красная полоса, будто от удара плетью, и кожа вокруг посерела.

— Горячим надо! — заорал Филбик из темноты, вынырнув на мгновение из-за плетня. — Они холода не боятся! Огонь!

Мирабель шагнула вперёд.

Она подняла руки, и чёрный опал на её пальце вспыхнул фиолетовым — не слабым мерцанием, а настоящим пламенем, которое осветило всю околицу.

Пространство вокруг неё дрогнуло, пошло рябью, как вода от брошенного камня. Воздух загустел, искривился, и вдруг тени замерли. Они словно потеряли ориентацию, заматались на месте, не понимая, где верх, где низ, где жертва, а где пустота.

— Я держу их, — процедила Мирабель сквозь зубы. Голос её дрожал от напряжения, на виске пульсировала жила. — Но они сильные. Быстрые. Они... они ели жизнь. Много жизней.

Корвин рванулся, высвобождаясь из чёрных пут, дёрнулся так, что рубаха затрещала на плечах, и ударил снова — не просто мечом, а сиянием, вложив в клинок всю свою веру, все молитвы, всю ярость праведника.

Клинок вошёл в тень, и та взвыла.

Вой был тонким, противным, почти неслышимым — скорее чувствовался кожей, чем ушами. От него закладывало уши, и хотелось упасть на колени и заткнуть голову руками. Но Корвин стоял, стиснув зубы так, что заныла челюсть.

Тень рассыпалась пеплом — чёрным, жирным, липнущим к рукам.

Яра, не будь дурой, выхватила из-за пояса факел, чиркнула кресалом раз, другой — занялось с третьего раза, трут был сыроват. Сунула факел в морду второй тени. Та зашипела, заматалась, начала таять, как воск на огне, оставляя после себя только вонючую лужу.

Третья, самая большая, метнулась прочь, к лесу, волоча за собой чёрный шлейф, похожий на дым.

— Стоять! — крикнул Корвин, бросаясь следом, но тень уходила быстрее, чем мог бежать человек в доспехах.

И тут из темноты, прямо из тени старого дуба, что рос у самой околицы, вынырнул Филбик. Он вцепился в уходящую черноту обеими руками — маленькими, цепкими, гномьими ручищами — и, не раздумывая ни секунды, нырнул в неё вместе с тенью.

— Филбик! — заорала Яра так, что в деревне залаяли собаки.

Но было поздно. Гном и тень исчезли, слились с лесным мраком, оставив после себя только лёгкое колыхание воздуха и холодок, пробежавший по коже.

3. Внутри

Филбик никогда не пробовал нырять в чужую тень. Тем более в тень существа, которое было самой тьмой.

Это было как прыгнуть в ледяную прорубь посреди зимы — только вместо воды вокруг была серая, тягучая муть, полная острых камней и чужих воспоминаний.

Он летел сквозь эту муть кубарем, слышал чужой голодный вой, чувствовал, как тень пытается переварить его, растворить в себе, сделать частью своего холодного тела. Она тянула из него жизнь, и Филбик чувствовал, как силы уходят с каждым ударом сердца, а в висках стучит одна-единственная мысль: не отпускать.

Но он тоже был частью теней. Он умел дышать здесь.

— Куда ты бежишь, гад? — прохрипел он, цепляясь за скользкую черноту ногтями, зубами, всем телом. — К хозяину? А ну веди!

Тень металась, пытаясь сбросить гнома, но Филбик вцепился мёртвой хваткой. Он закрыл глаза — здесь это не имело значения — и сосредоточился на одном: держаться, не отпускать, плыть по течению туда, куда несёт эта тварь.

И вдруг полёт прекратился.

Филбик вывалился из черноты на холодную землю, прямо в крошечную тьму. Упал, ударился коленом о камень, зашипел от боли, но тут же вскочил, озираясь, — сердце колотилось где-то в горле.

Вокруг был лес.

Но не тот, знакомый, Тенистый, через который они шли днём. Это был другой лес.

Деревья здесь росли корнями вверх, а ветвями вниз, уходя в землю, как пальцы в могилу. Кора на них была чёрной, блестящей, как обугленная. Луна светила неестественным зелёным светом — болезненным, гниlostным. А в воздухе висели споры, похожие на снег, только чёрный. Они оседали на лицо, на руки, и там, где падали, кожа начинала зудеть.

Филбик понял: он по ту сторону. Там, где живут тени, когда не выходят на охоту.

Перед ним возвышался курган — старый, поросший чёрным мхом. Из кургана торчал каменный идол — грубо вытесанная человеческая фигура с пустыми глазницами, разинутым ртом и руками, сложенными на груди, как у покойника. Глазницы и рот идола светились тусклым зелёным.

И перед идолом лежала та самая тень, которая привела его сюда. Она свернулась у ног статуи, как пёс, положив невидимую морду на невидимые лапы, и затихла, только слегка подрагивала.

— Ну и где ты? — прошептал Филбик, озираясь и прижимаясь спиной к дереву, котороеросло корнями в небо. — Выходи, хозяин. Поговорим.

Тишина.

Только чёрный снег падал и падал, засыпая землю.

А потом земля под его ногами дрогнула, и из кургана донесся глухой, древний голос. Он звучал отовсюду — из земли, из воздуха, из самого Филбика.

— Ты пахнешь гномом... но внутри тебя тьма. Кто ты, маленький вор, осмелившийся войти в мой дом?

Филбик сглотнул. Горло пересохло, язык прилип к нёбу. Он выпрямился во весь свой небольшой рост — три с половиной фута решимости и страха пополам.

— Я тот, кто пришёл узнать, зачем ты ворует людей в моей деревне.

Пауза. Тишина давила на уши.

Потом раздался тихий смех — и от этого смеха у Филбика кровь застыла в жилах, а сердце пропустило удар.

— Твоей? — переспросил голос. — Здесь всё моё, маленький вор. И скоро вы все станете моими.

Земля под ногами разверзлась, и Филбик полетел вниз, во тьму, которая была чернее любой тени.

ГЛАВА 3. Под чужим небом

1. Падение

Филбик падал долго.

Это было странное чувство — словно тело потеряло вес и теперь просто плыло в густой, липкой темноте. Вокруг не было ни верха, ни низа, ни стен, ни пола. Только серая муть, которая обтекала его со всех сторон, забивалась в уши, в нос, в рот, пыталась проникнуть внутрь, в самую душу, будто хотела растворить его без остатка.

Он зажмурился, сжался в комок и попробовал дышать так, как учился когда-то, много лет назад, в тёмных подвалах Каз-Торума. Не лёгкими — всем телом. Принимать тьму внутрь, но не растворяться в ней, а оставаться собой.

Раз. Вдох. Тьма вошла в грудь холодом, обожгла изнутри, как глоток ледяной воды натошак.

Два. Выдох. Тьма вышла обратно, оставив внутри искорку тепла — крошечную, но упрямую.

Три. Четыре. Пять.

Он считал про себя, чтобы не сойти с ума, не потеряться в этом бесконечном падении, вцепившись в счёт, как в единственную опору в мире, где не было ни опоры, ни направления. Где-то рядом, совсем близко, была та самая тень, за которую он уцепился. Была и таяла, растворялась в серости, не выдержав путешествия — и от этого воя у Филбика мурашки бежали по коже, хотя кожи здесь, казалось, тоже не должно было быть.

— Туда и дорога, — прохрипел Филбик, стискивая зубы. — Чтоб ты сгорела, тварь.

И в этот момент падение прекратилось.

Он ударился о землю всем телом — спиной, затылком, локтями. Воздух вышибло из лёгких разом, будто кто-то с размаху сел ему на грудь, в глазах потемнело уже по-настоящему, без всякой магии. Несколько секунд он просто лежал, раскинув руки, и пытался вспомнить, как дышать.

Потом вспомнил. Закашлялся, перевернулся на бок, выплюнул комок слизи — чёрной, липкой, пахнувшей гнилью, — и его чуть не вывернуло от одного этого запаха.

— Ненавижу... — просипел он, отплёвываясь. — Ненавижу магию, ненавижу тени, ненавижу эту работу.

Вокруг было тихо. Очень тихо.

Филбик открыл глаза, сел и замер.

2. Чужой мир

Память услужливо подкинула картинку: зелёное небо, деревья вверх корнями, чёрный снег. Он уже видел это, когда нырял за тенью, перед тем как провалиться в расщелину. Тогда — мельком, урывками, сквозь панику и погоню.

Теперь он мог рассмотреть всё спокойно.

Небо было таким же — болезненно-зелёным, светящимся изнутри, без солнца и без звёзд. Но сейчас Филбик заметил, что свечение не ровное. Оно пульсировало. Медленно, как дыхание спящего зверя, волны света прокатывались от горизонта до горизонта, и каждый раз, когда они достигали зенита, по небу пробегала рябь, словно по воде от брошенного камня.

— Дышит, — понял Филбик, невольно попятившись на шаг. — Небо дышит.

Деревья... да, они росли корнями вверх. Но сейчас, приглядевшись, гном заметил, что корни не просто торчат в небо — они шевелятся. Медленно, почти незаметно, тонкие отростки покачивались, словно щупальца, ловя что-то в этом пульсирующем свете.

А на коре, там, где в прошлый раз он видел только слизь, теперь проступали узоры. Они напоминали письмена — древние, полустёртые, но всё ещё различимые. Филбик не знал этого языка, но почему-то при взгляде на символы у него заныли зубы, будто он раскусил что-то кислое.

— Красиво, — прошептал он, потирая скулу. — И мерзко одновременно.

Чёрный снег под ногами был всё тем же — хрустел, таял, оставлял пятна. Но теперь Филбик заметил, что он падает не равномерно, а сгустками, привязанными к пульсации неба. Волна — и снег посыпался гуще. Затишье — и почти перестал.

Гном подставил ладонь, поймал несколько хлопьев. Те растаяли быстрее, чем в прошлый раз, и пятна на коже появились сразу, без задержки, расползаясь тёмными разводами, похожими на синяки.

— Привыкаю, — нахмурился он, разглядывая собственную руку. — Или это место меня уже переваривает?

Он вытер руку о штаны, но пятно не исчезло. Так и осталось — тёмное, похожее на синяк.

— Ладно, потом разберусь.

Филбик двинулся вперёд, стараясь ступать туда, где чёрного снега было поменьше. Но вскоре понял, что это бесполезно — он был везде.

Тишина здесь стояла особенная. Не просто отсутствие звуков, а какая-то вязкая, густая, как кисель, которая, казалось, липла к барабанным перепонкам. Она давила на уши, и Филбик поймал себя на том, что начал дышать громче, чтобы слышать хоть что-то.

— Так и с ума сойти можно, — буркнул он и запел.

Песня была дурацкая, гномья, про то, как пьяный кузнец перепутал молот с кружкой и два дня ковал пиво. Филбик слышал её в детстве, в Каз-Торуме, и сейчас она показалась единственно правильной — глупой, громкой, живой.

Он шёл и пел, и тишина отступала, пряталась за деревья, не выдерживая человеческого голоса.

3. Тени и люди

Он шёл долго. Может, час, может, два — в этом мире время текло иначе, и Филбик не мог понять, сколько прошло на самом деле.

Чёрный снег хрустел под ногами, забивался в сапоги, таял там и противно охлаждал кожу. Воздух был тяжёлым, спёртым, пахло гнилью и чем-то сладковатым, приторным, от чего начинала кружиться голова — примерно как от переспелых фруктов, только с гнильцой на самом дне запаха.

Несколько раз Филбик замечал вдали тени.

Они двигались между деревьями — бесформенные чёрные сгустки, похожие на тех тварей, что напали на деревню. Но эти были меньше, слабее, словно детёныши или отбросы. Они не замечали гнома, ползли куда-то в одну сторону, и Филбик решил идти за ними.

— Куда все ползут, там и хозяин, — рассудил он, пригибаясь за корнем. — А мне как раз с хозяином и надо разобраться.

Тени вели его всё дальше.

Их было много. Десятки, а может, сотни. Они ползли между деревьями — бесформенные, чёрные, разные по размеру. Маленькие, размером с кошку, шустро сновали под ногами. Средние, с человека, двигались медленнее, важно. А одна, огромная, величиной с дом, колыхалась вдалеке, и от неё веяло таким холодом, что даже на расстоянии у Филбика застучали зубы.

— Мать моя гномья, — выдохнул он, попятившись за ближайший ствол. — И как с этим драться?

Тени ползли в одну сторону. Все. Как муравьи к муравейнику. Филбик пригляделся и заметил, что многие из них что-то несут. Там, в глубине чёрной массы, мелькали очертания — куски дерева, камни, а иногда... иногда что-то похожее на кости.

— Строят что-то, — понял он. — Или тащат хозяину.

Он двинулся за ними, держась на безопасном расстоянии. Шёл, наверное, с полчаса, хотя ручаться за это он бы не стал — и вышел к кургану.

Филбик лёг на живот, зарылся в чёрный снег, стараясь стать невидимым. Сердце колотилось где-то в горле.

— Вот ты где, гад, — прошептал он. — Красиво устроился.

В прошлый раз он видел курган мельком, сквозь панику и погоню. Теперь у него была возможность рассмотреть.

Холм возвышался над лесом, как огромный чёрный прыщ. Он не был естественным — слишком правильная форма, слишком гладкие склоны. Словно его насыпали руками, а потом облили чем-то чёрным и блестящим, что застыло коркой.

На вершине торчал идол. Не просто камень — Филбик видел, что он двигается. Медленно, почти незаметно, каменная голова поворачивалась, пустые глазницы обшаривали окрестности, рот открывался и закрывался, ловя падающий с неба чёрный снег.

Идол кормился.

Вокруг кургана, у самого подножия, лежали тела. Филбик пересчитал — пять человек. Трое мужчин, две женщины. Они не были мёртвыми — грудь вздымалась, пальцы иногда подрагивали. Но от них тянулись к кургану тонкие чёрные нити, похожие на корни. Они впились в тела, в головы, в руки, и по ним, пульсируя, текла та самая зелёная слизь — только теперь Филбик видел, что она течёт в обе стороны. Сначала из кургана в людей, потом обратно, забирая что-то невидимое.

— Если перерезать нити... — начал рассуждать Филбик.

И в этот момент один из пленников открыл глаза.

Молодой парень, почти мальчишка, в доспехах — похоже, один из тех наёмных стражников, о которых говорил Клуней. Он посмотрел прямо на Филбика, и в его глазах плескалась такая мука, что у гнома сжалось сердце.

— Помоги... — одними губами прошептал парень.

Филбик рванулся было к нему, но в этот момент чёрные нити дёрнулись, засветились ярче, и парень захрипел, выгнулся дугой и обмяк.

— Нет! — крикнул Филбик, забыв про осторожность.

И тут же тени у подножия кургана зашевелились, повернулись в его сторону. Идол на вершине полыхнул зелёным.

— Беги, дурак! — рывкнул на себя Филбик и рванул прочь.

4. Погоня

Он бежал так, как не бегал никогда в жизни. Ноги сами несли его между деревьями, перепрыгивая через корни, уворачиваясь от стволов. За спиной слышалось шипение — тени гнались за ним, растеклись по лесу чёрной рекой.

Филбик петлял, бросался в стороны, нырял под корни, выскакивал с другой стороны. Он не смотрел назад, только вперёд, ища глазами хоть какое-то укрытие, а лёгкие уже жгло так, будто он глотнул раскалённого воздуха вместо обычного.

Краем глаза он заметил расщелину в скале — небольшую, узкую, куда тени, может, не пролезут. Рванул туда, упал, вкатился внутрь и затих, вжавшись в холодный камень.

Тени пронеслись мимо, не заметив.

Он лежал в темноте, прижимаясь спиной к холодному камню, и пытался отдышаться. Сердце колотилось как бешеное, в висках стучала кровь, а руки предательски дрожали — то ли от бега, то ли от того, что он только что едва не погиб.

— Жив, — прошептал он. — Жив, дурак.

Потом прислушался. Тени удалялись. Шипение стихало.

Филбик перевернулся на спину и посмотрел вверх. Потолок расщелины терялся в темноте. Но там, в глубине, что-то блеснуло.

Он достал нож, постучал по камню. Звук был глухой — значит, скала толстая. Тогда он чиркнул кресалом, высек искру, разглядывая пещеру.

И увидел кости.

Чьи-то останки лежали в углу — давние, старые, почти рассыпавшиеся в прах. Рядом валялась проржавевшая кирка и обломок факела.

— Гном, — определил Филбик, разглядев форму черепа и то, что осталось от одежды. — Бедняга. Тоже сюда попал.

Он подошёл ближе, опустился на колени. Кости были старые — может, десятки лет, может, сотни. Кто знает, как здесь течёт время.

— Прости, брат, — тихо сказал Филбик. — Не знаю твоего имени, не знаю, откуда ты. Но я постараюсь не повторить твою судьбу.

Он забрал кирку — вдруг пригодится — и уже собрался уходить, как вдруг заметил в куче костей что-то блестящее.

Маленький амулет. Гномья работа — сразу видно по грубому, но искусному плетению металла. На амулете был выгравирован знак: перекрещенные кирка и молот.

— Каз-Торум, — прошептал Филбик, сжимая амулет в кулаке. — Ты из дома.

Он надел амулет на шею, поверх своего. Маленький кусочек родины в этом мёртвом мире.

— Я вернусь, — пообещал он беззвучно. — И тебя верну. Если получится.

5. Там, в Жардене

В доме Клуней никто не спал.

Корвин стоял у окна, вглядываясь в темноту. Лампадка перед домашним святилищем давно погасла — никто не догадался подлить масла, и в углу теперь была только чёрная пустота вместо привычного тёплого огонька. В углу тихо всхлипывала жена старосты, закрывая лицо фартуком. Клуней сидел за столом, сжимая и разжимая узловатые пальцы, и молчал.

Яра мерила шагами комнату. Топор она так и не выпустила из рук — лезвие тускло поблёскивало в полумраке. Каждые несколько секунд она останавливалась и смотрела на дверь, словно надеялась, что Филбик вот-вот войдёт, отряхнётся и скажет что-нибудь ехидное.

Мирабель сидела у стола, склонившись над картой, которую рисовала на обрывке бересты. Её серебристые волосы в темноте светились слабым, едва заметным светом — или это только казалось? Чёрный опал на пальце пульсировал в такт дыханию.

— Сколько? — спросил Корвин, не оборачиваясь.

— Два часа, — ответила Мирабель, не поднимая головы. — Может, три.

— Долго, — сказал Корвин. — Для Филбика это долго. Он бы уже вернулся.

— Если мог.

Яра остановилась.

— Что значит «если мог»?

Мирабель подняла глаза. В их фиолетовой глубине плескалась тревога, которую она старательно пыталась скрыть.

— Там, куда он ушёл, другие законы. Другое время. Другое пространство. Он мог провалиться глубже, чем рассчитывал. Мог застрять. Мог... — она запнулась. — Мог не рассчитать.

— Филбик всегда рассчитывает, — отрезала Яра.

— Не всегда, — тихо сказал Корвин. — Он просто хорошо это скрывает.

В избе повисла тишина. Слышно было только, как потрескивают угли в очаге да где-то за стеной скулит собака — тоскливо, протяжно, словно чуяла беду.

А потом за окном что-то мелькнуло.

Корвин рванулся к окну, но было поздно. Тень — огромная, чёрная, бесформенная — скользнула мимо, задела стену, и там, где она прошла, брёвна покрылись инеем.

— Тревога! — крикнул Корвин, выхватывая меч.

Яра уже была у двери. Рванула её, выскочила наружу — и замерла.

Деревня просыпалась в криках.

Тени выползали отовсюду. Из-за каждого угла, из-за каждого плетня, из тени, которую отбрасывали дома. Они не нападали — пока просто скользили, текли по улицам, заглядывали в окна, пугали скотину. Но от них веяло таким холодом, что трава под ногами покрывалась инеем, а на стёклах выступал узор, как в самый лютый мороз.

— Они не кормятся, — тихо сказала Мирабель, выходя следом и не сводя взгляда с ближайшей тени. — В прошлый раз они высасывали жизнь медленно, и трава гнила у них под брюхом. А сейчас просто идут — и одно их присутствие морозит землю. Они ищут. Знают, что он ушёл. И они злы.

— На Филбика? — не поняла Яра.

— На нас. На всех. — Мирабель подняла руку с опалом. Камень горел ровным фиолетовым светом, отражая приближающуюся угрозу. — Он их потревожил. Разбудил то, что спало. Теперь они хотят отомстить.

Клуней выскочил из избы, накинуд тулуп на голое тело.

— Господин! Госпожа! Что делать? — запричитал он. — Они же всех высушат, как скотину в поле!

— Не высушат, — рявкнул Корвин, выходя вперёд. — Яра, со мной. Мирабель, держи строй. Не дай им прорваться к жителям.

— А Филбик? — крикнула Яра.

— Филбик сам за себя, — ответил Корвин, и голос его дрогнул. — Сначала спасём тех, кто здесь.

Он поднял меч, и клинок засветился золотым.

Тени зашипели, отступили на шаг. Но не ушли. Сгрудились у околицы, замерли, ожидая.

— Они чего-то ждут, — поняла Мирабель. — Не нападают, но и не уходят.

— Чего? — спросила Яра.

— Подкрепления. Или приказа.

Она посмотрела на небо. До рассвета оставалось часа два, не больше. Где-то там, за тучами, уже занималась заря.

— Нам нужно продержаться до утра, — сказала она. — При свете они слабее.

— А Филбик? — снова спросила Яра.

Мирабель не ответила.

Она смотрела на тени, и в её глазах отражался их зелёный, гнилостный свет — тот самый, что висел над миром, куда упал Филбик.

— Если он жив, — сказала она наконец. — Он найдёт способ вернуться.

Тени дрогнули и начали наступление.

6. Возвращение к кургану

Филбик вылез из расщелины, когда понял, что погоня ушла достаточно далеко.

Но долго отдыхать нельзя. То существо знает, что он здесь. Оно будет искать.

Филбик поднялся и, стараясь ступать бесшумно, двинулся обратно к кургану. Только теперь не напрямик, а окружным путём, используя каждую тень, каждую складку местности.

Он подобрался к подножию с другой стороны, где тени почти не ползали. Здесь, в тени огромного дерева, было относительно безопасно.

Филбик выглянул.

Пленные лежали там же. Но теперь он разглядел их лучше. Пять человек. Трое мужчин, две женщины. Все в странном оцепенении, с закрытыми глазами. Чёрные корни опутывали их, как путы, впивались в кожу, и по ним, пульсируя, текла та самая зелёная слизь.

— Живые соки пьёт, гад, — понял Филбик. — Держит людей как скотину, высасывает понемногу.

Он посмотрел на идола на вершине кургана. Тот всё так же светился зелёным, и гном понял, что это — сердце всей этой мерзости. Если разбить идола, может, тени исчезнут? Или наоборот, взбесятся?

— Надо думать, — сказал он себе. — Надо думать, Филбик. Ты не герой, ты вор. Герои ломаются напролом, а воры ищут слабые места.

Он осмотрелся внимательнее. У подножия идола, прямо в земле, было небольшое углубление, похожее на нору. Оттуда тянуло холодом и сыростью.

— Туда, — решил Филбик. — Если лезть, то в самое пекло.

Он уже собрался двигаться, как вдруг одна из пленных открыла глаза.

Это была женщина, молодая, с длинными тёмными волосами, спутанными и грязными. Она посмотрела на Филбика мутным взглядом и едва слышно прошептала:

— Уходи... оно чувствует... всех...

Филбик замер.

— Кто? — спросил он одними губами.

— Чудовище... — женщина с трудом шевелила губами, корни на её голове пульсировали чаще. — Оно... здесь... всегда...

— Где оно? Как его убить?

Женщина попыталась ответить, но вдруг тело её выгнулось, глаза закатились, и она затихла. Корни засветились ярче, высасывая последние силы.

— Нет! — Филбик рванулся к ней, но было поздно.

Земля под его ногами дрогнула.

Из норы у подножия идола повалил чёрный дым, и в нём Филбик увидел два огромных глаза — зелёных, светящихся, с вертикальными зрачками, как у змеи.

— Маленький вор, — раздался тот самый голос, что он слышал, когда только попал сюда. — Ты вернулся. Какой смелый... или какой глупый?

Филбик сглотнул, выпрямился и положил руку на нож.

— Я не знаю этих людей. Но один из них меня о помощи просил, а я не успел. Так больше не будет. Я пришёл забрать остальных.

Тишина. Потом смех — низкий, вибрирующий, от которого у Филбика заложило уши.

— Забрать? — переспросил голос. — Я уже говорил тебе: здесь всё моё. И ты станешь моим, маленький вор. Очень скоро.

Чёрный дым рванул вперёд, и Филбик едва успел нырнуть в сторону, в тень дерева, раствориться в ней, уйти в серый полумрак.

— Прячешься? — удивился голос. — Ты умеешь прятаться в тенях? Интересно... очень интересно. Давно я не встречал таких, как ты.

Филбик не отвечал. Он сидел в тени, прижимаясь спиной к холодной коре, и пытался унять дрожь.

Он нашёл чудовище. И теперь оно нашло его.

ГЛАВА 4. Грань

1. Жарден. Ночь

Первый натиск они отбили ещё затемно — тени хлынули с околицы плотной волной, и Корвин с Ярой рубили и жгли их до тех пор, пока чернота не отхлынула обратно к лесу, будто отступающий прилив. Но передышка вышла короткой.

Они опять текли по улицам чёрными ручьями, заглядывали в окна, облизывали стены, пугали скотину до полусмерти. Пока не трогали людей — но это «пока» с каждой минутой звучало всё менее убедительно.

Корвин стоял в центре деревни, у колодца, сжимая меч. Клинок горел золотым, разгоняя тьму на несколько шагов вокруг. Яра замерла справа, топор наизготовку, глаза горят яростью — на предплечье у неё уже темнела свежая серая полоса от чужого прикосновения. Слева — Мирабель, бледная, с пульсирующим опалом на пальце.

— Чего они ждут? — прошипела Яра, провожая взглядом очередную тень, скользнувшую мимо. — Первых было меньше.

— Не знаю, — ответил Корвин. — Но мне это не нравится.

Из леса выползали новые тени, одна за другой, десятками — не тысячи, но достаточно, чтобы плотной массой закрыть всю околицу. От них веяло таким могильным холодом, что дыхание вырывалось изо рта белыми клубами, будто наступила середина зимы, а не тёплая ночь.

Избы за спиной молчали. Жители попрятались, забились в погреба, заперли двери. Только Клуней торчал на пороге своего дома, сжимая в руках вилы — смешное оружие против теней, но старик держался, вцепившись в черенок так, что побелели костяшки.

— Заходи в дом, — бросил ему Корвин, не оборачиваясь.

— Не пойду, — огрызнулся староста. — Моя деревня. Мне тут помирать.

— Никто не помрёт, — рявкнул Корвин. — Сегодня уж точно.

Тени дрогнули. Одна, самая крупная, отделилась от общей массы и медленно поползла вперёд. Остальные зашевелились, зашипели, но остались на месте.

— Проверяют, — тихо сказала Мирабель. — Смотрят, что мы сделаем.

— А что мы сделаем? — Яра переступила с ноги на ногу, примеряясь.

— Встретим, — ответил Корвин и шагнул навстречу тени.

Клинок взметнулся, разрубил черноту. Тень взвыла, рассыпалась брызгами и осела чёрным пелом на траву — эта не поднялась снова.

Но на её месте, из-за спин остальных, тут же выступили новые. Сначала две. Потом ещё четыре. Потом десяток — лес будто не скупился, высылая одну тень за другой, стоило первой пасть.

— Назад! — крикнула Мирабель.

Она подняла руки, и пространство перед ней дрогнуло, пошло рябью. Тени наткнулись на невидимую стену, зашипели, заматались.

— Долго не продержу, — процедила эльфийка сквозь зубы, чувствуя, как силы утекают с каждым мгновением. — Они сильные. Очень сильные.

— Сколько у нас времени? — спросил Корвин, отступая к ней.

— До рассвета. Может, меньше.

Яра ударила топором по тени, что просочилась сквозь барьер. Лезвие прошло сквозь черноту, не причинив вреда, но Яра тут же сунула в неё факел — тень зашипела и отпрянула.

— Огня боится! — крикнула она. — Всем факелы!

Клуней метнулся в дом, выскочил с охапкой горящих головешек. За ним — его внук, с факелом в руках, с перекошенным от страха лицом.

— По домам раздать! — скомандовал Корвин. — Живо!

Старик и мальчишка побежали по избам, стуча в двери, суя факелы в руки. Через несколько минут деревня осветилась десятками огоньков — жители высыпали на улицы, сжимая кто вилы, кто топоры, кто просто палки с намотанной паклей.

Тени отступили. Но не ушли. Замерли за барьером Мирабель, ожидая.

— Они чего-то ждут, — повторил Корвин.

— Филбика, — тихо сказала Мирабель. — Они знают, что он там. И знают, что мы за ним пойдём.

— Пойдём?

— А ты сомневался?

Корвин посмотрел на неё. В фиолетовых глазах эльфийки не было страха — только усталость и решимость.

— Я открою портал, — сказала она. — Но барьер рухнет. Тени ворвутся в деревню.

— Мы будем здесь, — ответил Корвин.

— Нет. — Мирабель покачала головой. — Вы пойдёте со мной. Все. Филбику нужна помощь. А здесь... здесь останутся они.

Она кивнула на жителей — человек тридцать, с факелами и вилами, вставших плечом к плечу.

— Они справятся, — сказала Яра неожиданно твёрдо. — Они не трусы.

— И им недолго держаться, — добавила Мирабель, глядя на светлеющую полоску неба над лесом. — Рассвет уже скоро. А теперь у каждого в деревне факел, и они уже знают, куда бить. Не то что час назад, когда мы сами это только выяснили. Продержатся.

Клуней, услышав это, выпрямился, расправил плечи.

— Справлюсь, госпожа. Не в первый раз. Мы, жарденские, крепкие.

Корвин хотел возразить, но Яра положила руку ему на плечо.

— Филбик наш, — сказала она. — Мы не бросаем своих.

Паладин закрыл глаза, вздохнул. Потом кивнул.

— Готовь портал, Мирабель.

2. Мир теней. Лес

Филбик бежал.

Он не знал, сколько прошло времени — здесь, в этом мёртвом мире, часы текли иначе, растягивались в резину. Но сердце колотилось где-то в горле, лёгкие горели огнём, а за спиной слышалось шипение погони.

Чудовище нашло его. Вернее, его тени нашли.

Филбик петлял между деревьями, нырял под корни, перепрыгивал через камни. Раз — уйти в тень, переждать несколько ударов сердца, вынырнуть в другом месте. Два — снова бежать. Три — снова прятаться.

Он выдохся.

Упал на колени за огромным валуном, прижимаясь спиной к холодному камню. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

— Жив, — прошептал он. — Жив.

Прислушался. Тишина. Тени отстали. Или затаились?

Филбик выглянул из-за валуна. Лес был пуст. Только чёрный снег падал с зелёного неба, да деревья шевелили корнями, ловя пульсирующий свет.

— Надо идти дальше, — сказал он себе. — Надо найти способ вернуться.

Он поднялся, отряхнулся и побрёл в ту сторону, где, как ему казалось, должна быть граница этого мира. Интуиция вора вела его туда, где опаснее — значит, там может быть выход.

И через полчаса он наткнулся на лагерь.

3. Лагерь

Сначала Филбик подумал, что это ещё одна группа пленных. Потом разглядел внимательнее — и понял, что ошибся.

Лагерь был старым. Очень старым.

Несколько палаток, сшитых из шкур, истлели почти до основания, превратились в лохмотья, которые шевелились, будто на ветру. Филбик замер, прислушиваясь к воздуху — но ветра не было. Ни дуновения. Лохмотья двигались сами по себе, и от этого по спине пробежал холодок похуже, чем от чёрного снега. Костёр давно погас, от него осталась лишь кучка пепла, которую чёрный снег почти засыпал.

Вокруг валялись вещи. Ржавый нож. Обломок меча. Куча костей — похоже, чьи-то останки.

Но главное — в центре лагеря стоял алтарь.

Небольшой, сложенный из камней, с высеченными на них символами. Те же знаки, что Филбик видел на деревьях — древние, полустёртые, от которых ныли зубы.

Перед алтарём лежало тело.

В чём-то, похожем на рясу жреца — тёмную, истлевшую, с вышитыми золотом узорами. Тело давно высохло, превратилось в мумию, обтянутую кожей. Но в руках мумия сжимала книгу. Толстую, в кожаном переплёте, странно хорошо сохранившуюся.

Филбик огляделся, прислушался. Тихо. Теней не видно.

Он подошёл ближе, опустился на колени перед телом. Осторожно, стараясь не касаться мумии, вытащил книгу из окоченевших пальцев.

Переплёт был тёплым. Живым.

— Матерь богов, — прошептал Филбик, открывая первую страницу.

4. Записки безумца

Почерк был мелким, витиеватым, с трудом разборчивым. Филбик напрягал глаза, водя пальцем по строкам.

«Двадцать третий день. Мы вошли. Грань закрылась за нами, как и предсказывал Учитель. Здесь ничего не растёт, не поёт, не движется само по себе — и всё же я чувствую, что это место живо. Оно дышит. Оно ждёт. Мы должны найти его сердце».

Филбик перелистнул несколько страниц.

«Сороковой день. Половина отряда погибла. Их забрали тени. Учитель говорит, что это очищение. Что слабые не достойны войти в Чертоги. Я начинаю сомневаться».

Дальше шли рисунки — схемы, карты, изображения того самого идола, что стоял на кургане. Филбик узнал его сразу.

«Шестидесятый день. Мы нашли его. Храм. Он ждал нас. Учитель говорит, что теперь мы обретём бессмертие. Я боюсь. Но обратной дороги нет».

Почерк становился всё более нервным, строки прыгали.

«Семидесятый день. Учитель принёс жертву. Себя. Он вошёл в алтарь и... я не знаю, что произошло. Свет погас. Тени пришли. Я бежал. Я единственный, кто бежал».

Последние страницы были написаны совсем неразборчиво, словно дрожащей рукой.

«Он не умер. Он стал этим местом. Он теперь Хранитель. И он голоден. Он зовёт меня. Я слышу его каждую ночь. Он говорит, что я должен вернуться. Что мы будем вместе править вечность. Но я не хочу. Я хочу домой. Я хочу...»

Дальше шли только каракули. А потом — резко — чистые страницы.

Филбик закрыл книгу и долго сидел, глядя на мумию перед собой.

— Ты его ученик, — тихо сказал он. — Тот, кто убежал. Спрятался здесь. И умер. А он... он стал этим.

Мумия молчала. Конечно.

Филбик спрятал книгу за пазуху. Это знание могло пригодиться.

— Спасибо, — сказал он неизвестному жрецу. — Тебе это уже не поможет. Но, может, поможет им.

И пошёл дальше, туда, где за курганом чувствовалось что-то живое.

5. Жарден. Рассвет близко

Мирабель закончила чертить круг.

Он получился огромным — в центре деревенской площади, выжженный её магией прямо на земле. Символы горели фиолетовым, пульсировали в такт её дыханию.

— Готово, — выдохнула она, вытирая пот со лба. — Когда я открою портал, барьер рухнет. Они ворвутся.

Корвин кивнул, сжимая меч.

— Сколько у нас будет времени, пока барьер не рухнет окончательно?

— Дело не в этом. — Мирабель покачала головой. — Сам переход занимает время. Несколько минут. Может, больше. Всё это время портал будет открыт, а барьера уже не будет.

Яра шагнула в круг, встала рядом с эльфийкой.

— Яра задержит.

— Одна?

— С тобой. — Яра посмотрела на Корвина. — Ты идёшь. А она открывает.

Корвин хотел возразить, но Яра уже отвернулась, вглядываясь в темноту, где копошились тени.

— Не спорь, — сказала она. — Яра права.

Клуней подошёл ближе, сжимая факел.

— Мы поможем. Все. Продержимся, сколько нужно — лишь бы вам хватило времени.

За его спиной стояли жители — с факелами, вилами, топорами. Бледные, испуганные, но решительные.

— Спасибо, — сказал Корвин. — Мы вернёмся. С Филбином.

— Знаю, — кивнул староста. — А теперь идите. И побыстрее.

Мирабель закрыла глаза, подняла руки. Опал на её пальце вспыхнул ярко-фиолетовым, почти белым. Символы в кругу засветились, зашипели, из земли повалил дым.

Грань открывалась.

6. Там, в мире теней

Филбик почувствовал это за мгновение до того, как увидел.

Воздух дрогнул. Чёрный снег перестал падать. Деревья замерли, перестав шевелить корнями.

Где-то далеко, на границе видимости, вспыхнул фиолетовый свет.

— Ребята, — выдохнул Филбик. — Вы всё-таки пришли.

И рванул туда, забыв про осторожность, про тени, про Хранителя. Туда, где его ждали.

За спиной взревел курган. Хранитель понял. Тени сорвались с места, потекли чёрной рекой наперерез гному.

— Не догоните! — заорал Филбик, петляя между деревьями. — Я быстрее!

Он бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Фиолетовый свет становился всё ближе, всё ярче. Там, в центре сияния, он видел силуэты — огромный, с мечом, и другой, огромный, с топором. А между ними — тонкий, серебристый, с поднятыми руками.

— Я здесь! — заорал Филбик. — Я здесь, дураки!

И в этот момент земля под его ногами разверзлась.

Из-под земли вырвались корни — чёрные, толстые, в слизи. Они схватили Филбика за ноги, опрокинули, потащили назад.

— Нет! — закричал он, впиваясь ногтями в землю. — Нет, гад, отпусти!

Корни тащили его к кургану, к зелёным глазам Хранителя, которые горели в темноте. Он пытался удержаться всем, чем только мог. В ход пошла даже кирка, найденная в пещере, но та почти сразу сломалась. Годы взяли своё, а корни уносили его всё дальше.

А фиолетовый свет приближался.

— Филбик! — услышал он крик Яры. — Держись!

И провалился в темноту.

ГЛАВА 5. Встреча в темноте

1. Чужой мир

Портал выплюнул их на холодную землю без предупреждения — рывком, будто чья-то невидимая рука вышвырнула их из одного мира в другой.

Корвин упал на колени, вбивая ладони в жёсткую, промёрзшую почву. Рефлекс сработал раньше разума: меч уже был в руке, лезвие вспорол воздух широкой дугой. Но врага рядом не было. Только тишина — густая, вязкая, будто сама земля здесь дышала через силу. Она давила на уши сильнее, чем любой крик.

— Вставай, — услышал он голос Яры откуда-то сбоку. Хриплый, отрывистый. — Вставай, Корвин. Здесь нельзя лежать.

Он поднялся, чувствуя, как колени предательски дрожат — не от страха, от резкости перехода. Огляделся. И замер, забыв опустить меч.

Небо было зелёным. Не просто зелёным — болезненно-зелёным, пульсирующим изнутри, как воспалённая, гниющая рана, которая никак не заживёт. Деревья вокруг росли корнями вверх, и эти корни шевелились — медленно, почти лениво, — тянулись к небу и ловили что-то, падающее сверху. Чёрный снег.

— Матерь богов, — выдохнул Корвин, и пар от его дыхания в этом неживом воздухе поднялся вверх неестественно ровной струйкой. — Где мы?

— Там, где Филбик, — ответила Мирабель. Она появилась последней, вываливаясь из угасающей фиолетовой вспышки, и едва устояла на ногах.

Выглядела она ужасно. Лицо белое, как первый снег, губы приобрели синеватый оттенок, а чёрный опал на её пальце — тот, что ещё недавно пылал магией, — теперь едва тлел, почти погасший. Переход выпил из неё почти всё.

— Ты как? — Корвин шагнул к ней, подхватывая под локоть.

— Дойду, — отрезала эльфийка, хотя голос её дрогнул на последнем слове. — Не впервой.

Яра уже вертела головой из стороны в сторону, сжимая топор обеими руками так, что побелели костяшки. Она не понимала, где здесь верх, где низ, где прячется враг — и именно это незнание злило её больше всего на свете. Куда проще было бы, если бы кто-то просто выскочил и бросился в атаку.

— Тени, — бросила она коротко. — Где тени?

— Везде, — Мирабель всматривалась в зыбкую даль, где корни-деревья смыкались в непроглядную чащу. — Они здесь повсюду. И они уже знают, что мы пришли.

Лес вокруг них дрогнул — не ветром, а каким-то внутренним содроганием, будто сама земля вздрогнула во сне. Шевеление корней усилилось, и откуда-то из глубины донеслось шипение — сперва тихое, едва различимое, но с каждым мгновением оно нарастало, множилось, будто перекликалось эхом.

— Бежим, — коротко бросил Корвин, разворачиваясь.

Они побежали.

2. Первая стычка

Тени налетели внезапно — без предупреждения, без нарастающего шороха, будто мир вокруг просто выдохнул тьму им в лица.

Одна, вторая, десятая — они выскакивали из-за деревьев, из-под корней, из собственных теней отряда, будто те предали своих хозяев. Чёрные сгустки бросались на людей, пытаясь обвить запястья, шею, горло, задушить холодной хваткой и выпить из тела последнее тепло. Корвин почувствовал, как ледяные пальцы тьмы скользнули по его предплечью, и кожа под кольчугой мгновенно покрылась испариной, а следом — гусиной кожей от промозглого холода.

Корвин рубил мечом наотмашь, без пауз. Клинок светился золотым, и там, где он проходил, тени взывали тонко, почти по-звериному, и рассыпались пеплом, оседающим на снег чёрными хлопьями. Но их было слишком много — на месте одной поверженной тут же вырастали три новых.

Яра зарычала, размахивая топором с такой силой, что воздух со свистом рассекался вокруг лезвия. Оно проходило сквозь черноту, не встречая сопротивления, будто рубило пустоту, — и это приводило варваршу в настоящую ярость. Зубы её были стиснуты так крепко, что заныли скулы.

— Не могу! — крикнула она, отшатываясь от очередной тени, которая скользнула мимо самого лица. — Не берёт!

— Огонь! — вспомнил Корвин, перекрикивая шипение. — Жги!

Яра выхватила из-за пояса незажжённый факел, чиркнула кресалом раз, другой — искры сыпались в темноту, не желая заниматься на промозглом воздухе. С третьего раза трут наконец занялся, пламя лизнуло просмолённую паклю, и Яра тут же сунула факел прямо в морду ближайшей твари. Пламя зашипело, зачатило, и тень дёрнулась назад с протяжным визгом, будто обжёгшийся зверь. Не исчезла — только съёжилась, стала меньше, плотнее.

— Мало, — процедила Мирабель сквозь стиснутые зубы. Голос её дрожал от напряжения, тонкие пальцы тряслись.

Она подняла руки, и пространство вокруг них дрогнуло, пошло рябью, как поверхность воды от брошенного камня. Тени замерли на полушаге, потеряв ориентацию, — эльфийка выжимала из себя последнее, что оставалось после перехода, тратя силы, которых и так почти не было.

— Быстро! — крикнула она, и жилы на её шее натянулись от усилия. — Я не продержу долго!

Корвин схватил Яру за руку, дёрнул вперёд с такой силой, что чуть не свалил её с ног. Они бежали между застывшими, дрожащими тенями, спотыкаясь о корни, торчащие из земли, как скрюченные пальцы. Чёрный снег лез в глаза, забивался в рот, оседал в лёгких при каждом вдохе горьким, тлеющим привкусом.

— Туда! — Мирабель указала дрожащей рукой на холм, черневший вдалеке. — Чувствую Филбика. Он там.

Курган вырастал из земли, как чёрный нарыв на теле мира. На его вершине шевелился идол — медленно, будто просыпался, — и пустые глазницы всё так же горели тусклым зелёным светом.

— Мать моя женщина, — выдохнула Яра, тяжело дыша, пар вырывался у неё изо рта белыми клубами. — И как мы это будем ломать?

— По частям, — коротко ответил Корвин и побежал быстрее, не оглядываясь.

3. Внутри кургана

Филбик очнулся от боли.

Она пронзала всё тело разом — руки, ноги, грудь, голову, — будто под кожу вогнали десятки раскалённых игл одновременно. Он висел в воздухе, прикованный к корням, которые впивались в плоть, в мышцы, в кости, высасывая из него жизнь тонкими, пульсирующими толчками.

— Очухался, — раздался голос рядом, слабый, надтреснутый.

Филбик с трудом повернул голову — шею будто свело судорогой. Рядом с ним, прикованная к таким же корням, висела та самая женщина, что пыталась заговорить с ним раньше, ещё у подножия кургана. Она выглядела ещё хуже, чем тогда: кожа посерела, стала похожа на пепел, глаза запали в глазницы, но в них ещё теплилась искра — упрямая, не желающая гаснуть.

— Ты... жива? — прохрипел Филбик, чувствуя, как во рту пересохло до горечи.

— Пока да, — ответила она едва слышно. — Но долго не протяну.

— Кто он?

— Я слышала старые легенды из наших краёв. — Она закашлялась, и с губ у неё потекла тонкая струйка зелёной слизи. — Раньше он был человеком. Жрецом. Искал бессмертие... и получил его. Только цена оказалась совсем не та, что он думал.

— Хранитель, — прошептал Филбик одними губами, будто произнесённое вслух имя могло привлечь внимание.

В этот момент стены кургана дрогнули. Где-то снаружи раздался глухой грохот, потом крик — знакомый, родной, от которого у Филбика ёкнуло сердце.

— Яра! — выдохнул он. — Они пришли.

Корни зашевелились быстрее, будто почуяли опасность — заскользили по коже мелкой, нервной дрожью. Из темноты выступила фигура — высокая, в истлевшей рясе, с кожей, покрытой наростами, похожими на кору дерева, и зелёными глазами, горящими в пустых глазницах, как два болотных огонька.

Это был он. Хранитель.

— Твои друзья? — спросил он голосом, похожим на скрежет камней друг о друга. — Глупые. Они не знают, что здесь нельзя победить.

— Они знают, — ответил Филбик, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Им плевать.

Хранитель шагнул ближе, склонился над гномом так низко, что тот почувствовал запах гнили, исходящий от его дыхания. Глаза чудовища сузились.

— А ты... я чувствую в тебе тень. Ты не простой вор. Ты рылся в моих вещах, маленький гном? Нашёл лагерь моего ученика?

Филбик похолодел изнутри — быстрее, чем это успели сделать корни. Он никому об этом не говорил. Откуда Хранитель мог знать?

— Я всё вижу, — усмехнулся тот, и усмешка эта была страшнее любого крика. — Здесь, в моём мире, от меня ничего не скрыть. Ты взял его записи. Думал, я не замечу? Это единственное, что отдаёт тут энергией старого мира.

— И что с того? — прохрипел Филбик, стараясь плюнуть вызовом в лицо страха. — Твой ученик сдох в одиночестве. Ты тоже сдохнешь.

— Мой ученик был слаб, — отрезал Хранитель. — А я силен. И ты мог бы стать сильным. Останься со мной. Я научу тебя.

— Учи лучше своих, — огрызнулся Филбик. — Я видел, что стало с тем, кто тебя слушал. Хранитель шагнул к нему, навис сверху всей своей нечеловеческой массой.

— Глупый гном. Ты не понимаешь, что теряешь.

Он взмахнул рукой, и корни сжались вокруг Филбика с новой силой. Тот закричал — коротко, сдавленно, — чувствуя, как воздух вышибает из груди.

4. Штурм

Корвин рубил тени одну за другой, но они не кончались — казалось, чем больше он их уничтожал, тем гуще становилась тьма вокруг. Яра молотила топором без остановки, крушила корни, вырывала их с мясом голыми руками там, где лезвие не брало. Мирабель держалась позади, экономя последние крохи силы, но её магия то и дело вспыхивала короткими рывками, отбрасывая особо наглых тварей прочь.

— Ближе! — крикнула она, срывая голос. — Курган рядом!

Они прорвались к самому подножию. Здесь тени клубились гуще всего, роились, будто растревоженный улей, но сквозь эту черноту было видно — у входа в нору, зияющую провалом чернее самой ночи, лежали тела.

Пленные.

— Живые? — спросила Яра, тяжело дыша, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, перепачканной в чёрной слизи.

— Кажется, да, — ответил Корвин, отбивая очередную тень коротким, злым выпадом. — Но Филбика среди них нет.

— Внутри, — поняла Мирабель, и голос её дрогнул. — Его забрали внутрь.

Яра зарычала — низко, утробно, будто зверь, почуявший добычу, — и рванула вперёд, круша всё на своём пути. Корни лопались под её руками с влажным треском, тени разлетались в стороны, не успевая сомкнуться. Она была неудержима, как лавина, сорвавшаяся с горы.

— Яра, стой! — крикнул Корвин, но было поздно.

Варварша влетела в нору и исчезла в темноте, будто её проглотили.

Корвин выругался сквозь зубы и рванул следом, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Мирабель, шатаясь от истощения, побрела за ним, цепляясь свободной рукой за стену норы, чтобы не упасть.

Внутри кургана было темно, хоть глаз выколи. Только зелёное свечение где-то в глубине пульсировало ровными, тягучими вспышками, будто чужое сердце отбивало свой собственный, неживой ритм.

— Яра! — позвал Корвин, и голос его отозвался гулким эхом от невидимых стен.

— Здесь! — раздался голос впереди, отрывистый, надтреснутый от напряжения. — Я нашла его!

Корвин рванул на голос и выскочил в огромную полость, где воздух был плотным и тяжёлым, как перед грозой.

Сердце кургана.

Огромный орган, опутанный корнями, пульсировал в центре зала, разбрасывая по стенам дрожащие зелёные отсветы. От него тянулись тонкие нити к десяткам тел, висящих на стенах, будто мухи в паутине. А прямо перед сердцем, вцепившись в корни, стояла Яра. Руки её были в крови — своей и чужой, зелёной, — и она рвала путы, пытаясь вытащить Филбика из плена.

— Помоги! — крикнула она, не оборачиваясь, и мышцы на её предплечьях вздулись буграми от натуги.

Корвин подскочил, рубанул по корням мечом наотмашь. Клинок вошёл в плоть с влажным хрустом, лезвие на миг увязло, но корни поддались, лопнули — и тут же начали срастаться заново прямо на глазах, будто рана затягивалась изнутри.

— Живые! — выдохнул он, чувствуя, как по спине прокатывается ледяная волна ужаса. — Они живые!

Из темноты, медленно, будто ему было некуда спешить, выступила фигура Хранителя.

— Добро пожаловать, — проскрежетал он всё тем же замогильным голосом. — Давно у меня не было гостей.

Корвин вскинул меч, чувствуя, как рукоять становится скользкой от пота.

— Именем Света, отпусти их!

— Света? — Хранитель усмехнулся, и от этого звука по коже побежали мурашки. — Здесь нет света. И уже очень давно. Есть только я. И вы все скоро станете мной.

Он взмахнул рукой, и корни рванули к ним со всех сторон — стремительно, как атакующие змеи.

5. Ярость Яры

Корвин рубил корни, Мирабель жгла их остатками магии — слабые вспышки фиолетового света срывались с её пальцев неровными рывками, — но корни лезли и лезли, бесконечные, будто у этой твари не было дна. Филбик висел без сознания, голова его безвольно моталась при каждом рывке, и корни уже начали впиваться в его лицо, оставляя на бледной коже тонкие красные полосы.

Яра смотрела на это, и внутри неё закипало что-то древнее, что-то, что жило в ней с самого детства, с той самой ночи, когда сгорела её деревня, когда она сидела в яме под полом и слушала, как трещит огонь над головой.

— Нет, — сказала она тихо, почти шёпотом.

Потом громче, так, что задрожал воздух:

— НЕТ!

Она отбросила топор — тот со звоном упал на камень и покатился в темноту. Бесполезно. Голыми руками она схватила корни, что держали Филбика, и рванула на себя со всей силой, какая только была в её теле.

Корни затрещали. Из разрывов брызнула зелёная слизь, обжигая кожу на ладонях, но Яра не отпускала — только сжимала пальцы крепче, до хруста в суставах. Она рвала их, как верёвки, как гнилые нитки, как паутину, не чувствуя боли, не чувствуя ничего, кроме одной мысли, бьющейся в висках: не отпущу.

— Ты не можешь! — закричал Хранитель, и в его каменном голосе впервые прорвалось что-то похожее на настоящий страх. — Это невозможно!

— Яра сильная! — зарычала она и рванула последний корень так, что тот с влажным треском оторвался у самого основания.

Филбик упал на пол, судорожно закашлялся, хватая ртом воздух, и открыл глаза.

— Яра... — прошептал он едва слышно.

— Молчи, — сказала она, подхватывая его на руки — так бережно, будто он весил не больше ребёнка. — Яра вынесет.

Корвин и Мирабель прикрывали их со всех сторон, отбиваясь от новых корней, которые лезли из земли с удвоенной яростью. Хранитель метался по залу, теряя контроль, — его фигура будто плыла, дрожала, теряла чёткость очертаний.

— Убейте его! — крикнул Филбик, вскидывая руку и показывая на сердце. — Там внутри! Оно бьётся!

Корвин рванул к сердцу, вложив в удар всю веру, что у него оставалась. Клинок засиял золотым, на миг ослепив весь зал.

Но меч не достиг цели.

Корни взметнулись стеной, приняли удар на себя. Лезвие завязло в них, зашипело, дымясь, но не пробило. Хранитель даже не шелохнулся — только склонил голову набок, разглядывая паладина с холодным, почти научным любопытством.

— Свет, — повторил он медленно, будто пробуя слово на вкус. — Ты всё ещё веришь в этот детский лепет?

Он щёлкнул пальцами, и корни рванули в стороны, вырывая меч из рук Корвина одним резким движением. Клинок отлетел в темноту, звякнул о камень где-то далеко.

Корвин остался безоружным, чувствуя, как холод пустоты в ладони отдаётся где-то под рёбрами.

— Корвин! — крикнула Яра, бросаясь к нему, но новые корни обвили её ноги, повалили наземь.

— Яра! — Филбик рванулся, забыв про боль, и тут же рухнул обратно — его держали крепче, чем казалось.

Мирабель попыталась поднять руки, чтобы исказить пространство, но сил не осталось совсем. Опал на пальце погас окончательно, будто выдохся вместе с ней.

Хранитель шагнул вперёд, возвышаясь над ними всей своей нечеловеческой массой. Его зелёные глаза горели ровным, сытым светом.

— Вы думали, я умру от одного удара? — спросил он почти ласково, и от этой ласки в голосе становилось только страшнее. — Я здесь сотни лет. Я впитал множество жизней. Я стал этим местом. А вы... вы просто еда, которая пришла сама.

Он перевёл взгляд на Корвина.

— Ты, паладин. Ты веришь в свой Свет. А где он сейчас? Где твой бог, когда ты висишь здесь, беспомощный?

Корвин молчал, только сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони.

— Нет его, — прошептал Хранитель. — Есть только я. И тьма. Всегда была только тьма.

Корни рванули к Корвину, обвили шею, начали душить. Паладин захрипел, хватаясь за них руками, но они только сильнее сжимались, впиваясь в кожу.

— Корвин! — закричала Мирабель.

Яра рванулась с такой силой, что корни, державшие её ноги, затрещали, но не лопнули. Филбик попытался нырнуть в тень, но корни блокировали дар, высасывая последние силы прямо из него.

— Угасни, так же как и угасает свет, — прошептал Хранитель, глядя в глаза паладину сверху вниз.

И в этот момент в темноте что-то сверкнуло.

Маленький нож — один из тех, что Филбик обычно рассовывал по потайным карманам, — вонзился в корень, душивший Корвина. Неглубоко, но достаточно, чтобы тот дёрнулся и на миг ослабил хватку.

— Не трогай его, — прохрипел Филбик, обмякая после броска — метнуть последними силами оказалось труднее, чем он думал.

Хранитель обернулся. В его нечеловеческом взгляде впервые мелькнуло что-то похожее на настоящее удивление.

— Ты ещё можешь двигаться?

— Могу, — выдохнул Филбик, чувствуя, как в висках стучит кровь. — И ещё кое-что могу.

Он закрыл глаза и нырнул в тень. Не в ту, что клубилась вокруг них по всему залу, а в свою собственную, глубинную — ту, что хранилась внутри него самого с самого детства. Последний резерв, тронуть который он боялся всю жизнь.

Он вынырнул прямо перед лицом Хранителя, в руке — ещё один нож, зажатый так крепко, что побелели костяшки.

— Получи, гад!

Нож вонзился Хранителю в глаз.

Зелёная слизь брызнула во все стороны, обжигая всё, на что попадала. Хранитель закричал — дико, страшно, по-звериному, так, что заложило уши даже сквозь ладони. Курган содрогнулся всем своим нутром, с потолка посыпалась земляная пыль. Корни ослабли, обмякли, будто марионетки с перерезанными нитями.

— Бегите! — заорал Филбик, падая без сил на холодный камень.

Корвин рванул к Мирабель, схватил её за руку — та едва держалась на ногах. Яра подхватила Филбика на руки одним рывком, будто тот весил не больше котёнка. Они побежали — туда, где в темноте виднелся выход, туда, где ещё горел слабый фиолетовый свет портала.

— Не уйдёте! — ревел Хранитель за спиной, и от этого рёва дрожали стены.

Корни хлестали по стенам, обрушивали камни, пытались догнать беглецов, как щупальца утопающего гиганта. Один корень обвил ногу Яры на бегу, но она рванула его вместе с куском кургана — раздался хруст ломающегося камня — и побежала дальше, не сбавляя темп.

— Дальше! — крикнула Мирабель, собирая последние крохи сил. — К portalу!

Они влетели в фиолетовое сияние за секунду до того, как курган рухнул позади них с оглушительным грохотом, поднимая облако пыли и чёрного снега.

ГЛАВА 6. Сердце тьмы

1. Жарден. Утро после битвы

Солнце поднялось над Жарденом, но в избе Клуinea царил полумрак — ставни закрыли плотно, чтобы раненым не мешал резкий свет после ночи, проведённой во тьме иного мира.

Корвин сидел у стола, сжимая в руках чужой меч. Простой, без украшений, даже без нормальной заточки — деревенский кузнец отдал единственное, что нашлось в его кузне. Паладин ворочал оружие в ладонях, взвешивая его непривычную тяжесть, и на лице его читалась такая тоска, что Яра не выдержала первой.

— Хватит смотреть, — буркнула она, сидя на лавке и методично очищая топор от засохшей чёрной слизи тряпичей. Движения её были резкими, злыми — видно было, что усталость ещё не отпустила тело. — Не поможет.

— Я знаю, — тихо ответил Корвин, и пальцы его чуть крепче сжали рукоять. — Но без моего меча я...

— Ты всё ещё Корвин, — перебила Яра, не поднимая головы от работы. — Меч — железка. Ты — паладин.

Он поднял на неё глаза и впервые за утро позволил себе слабую улыбку.

— Спасибо.

— Не за что.

В углу на лежанке лежала Мирабель. Опал на её пальце всё ещё был тусклым, почти мёртвым, но эльфийка хотя бы пришла в себя и даже смогла сесть, опираясь спиной о бревенчатую стену. Рядом с ней сидел Филбик — бледный, с тёмными кругами под глазами, будто вырезанными углем, но живой. В руках он сжимал книгу, ту самую, что нашёл в лагере мёртвого жреца, поглаживая потрёпанный переплёт большим пальцем — жест, выдающий нервозность больше, чем любые слова.

— Там есть кое-что, — сказал он, открывая ветхие, пожелтевшие страницы. — Я не всё понял, но Мирабель разобралась.

Эльфийка кивнула, принимая книгу дрожащими пальцами. Её тонкие руки, униженные кольцами, пробежали по строчкам, задерживаясь на некоторых словах дольше обычного.

— Это дневник ученика, — начала она, и голос её звучал ровнее, чем можно было ожидать после ночи в аду. — Того самого, что сбежал и умер в лагере. Он описывает ритуал. И своего учителя.

— Учителя? — переспросил Корвин, чувствуя, как что-то холодное шевельнулось в груди.

— Хранителя. — Мирабель подняла глаза, и в них плеснулась тень тревоги. — У него было имя. Элрик.

Корвин замер, будто в него ударила невидимая молния.

— Элрик? — переспросил он хрипло. — Ты уверена?

— Здесь написано. — Мирабель ткнула пальцем в строчку на пожелтевшей странице. — Элрик, верховный жрец Храма Вечного Света. Ты знаешь это имя?

Корвин медленно опустился на лавку, всё ещё сжимая в руках чужой меч так, что побелели костяшки.

— В наших хрониках, — начал он глухо, будто вытягивая слова откуда-то из самого нутра, — есть история о жреце, который предал веру. Он искал бессмертие, хотел стать равным богам. Его изгнали, и он ушёл на север, в земли, где тогда ещё водились драконы. Считалось,

что он погиб в пути. Это было... — Корвин прикрыл глаза, будто пытаясь удержать ускользающее воспоминание. — Более ста лет назад.

Тишина повисла в избе, густая и вязкая. Даже Яра перестала чистить топор, замерев с тряпичей в руке.

— Больше ста лет, — прошептал Филбик, машинально перелистывая страницы. — И он всё ещё там. Внизу. Мне одна из пленных успела поведать, что это чудище из легенд их деревни, что появилось очень давно, после прихода служителей.

— И он помнит, кто он был, — добавила Мирабель. — Иначе не назвал бы себя Хранителем. Он хранит не только этот мир, но и свою память. Своё имя.

Корвин поднялся, чувствуя, как затекшие ноги протестуют против движения, подошёл к окну, выглянул на улицу. Там, за околией, чернел лес — и от одного взгляда на него по спине пробежал холодок. Там, глубоко под землёй, ждал враг, которого он знал только по древним легендам да истёртым страницам монастырских хроник.

— Элрик, — повторил он одними губами. — Ты предал Свет много лет назад. Сегодня Свет придёт за тобой.

Он повернулся к остальным, и в глазах его загорелась решимость, вытеснившая утреннюю тоску.

— Мне нужно благословить оружие. И не только.

Корвин подошёл к Яре, положил руки ей на плечи. Та замерла под его ладонями, не понимая.

— Что ты делаешь?

— Ты идёшь в бой без благословения, — ответил Корвин. — Твои руки — твоё оружие. Позволь мне укрепить их.

Яра хотела возразить, но встретила взглядом с паладином и промолчала. Корвин закрыл глаза, зашептал молитву — слова текли тихо, ровно, будто река, огибающая камни. Его ладони засветились слабым золотым светом, и Яра почувствовала, как по коже разливается приятное покалывающее тепло, стекающее от плеч к самым кончикам пальцев, — уверенное, спокойное, как рука матери на лбу больного ребёнка.

— Готово, — сказал Корвин, отпуская её. — Теперь твои руки будут крепче стали.

Яра сжала кулаки, прислушиваясь к незнакомым ощущениям, перекачивая пальцы один за другим.

— Хорошо, — сказала она. — Яра чувствует.

Потом Корвин взял чужой меч, положил его на стол и повторил ритуал. Клинок засветился — слабо, неровно, будто нехотя, но всё же явственно.

— Ненадолго, — предупредил он. — Но на бой хватит.

Мирабель смотрела на него с уважением, и в глазах её мелькнуло что-то тёплое, почти нежное.

— Ты сильнее, чем думаешь, — сказала она.

— Я просто делаю своё дело, — ответил Корвин, но плечи его чуть расправились от этих слов.

2. Мир теней. Под обломками

Хранитель сидел в темноте и ждал.

Курган рухнул, но это ничего не значило — обвал был для него не более чем сбросом старой кожи. Он был здесь хозяином. Камень, земля, корни — всё подчинялось одной лишь его воле. Он просто сдвинул слои реальности вниз, ушёл глубже, увлекая за собой пленников, как хозяин утаскивает добычу в нору.

Они висели в пустоте — пять тел, истощённых, без сознания, покачиваясь на тонких нитях корней, будто марионетки на паузе между действиями пьесы. Корни впивались в них медленно, экономно — Хранитель тратил силы на восстановление, а не на пиршество. Глаз, в который попал проклятый гном, заплыл загустевшей слизью, но уже начинал затягиваться новой, тёмной коркой.

— Гном, — прошептал Хранитель, и голос его отозвался эхом по пустым коридорам, которые он сам же и создавал заново. — Маленький вор, пахнущий тенью. Ты вернёшься. Я знаю.

Он чувствовал их — даже здесь, сквозь толщу слоёв реальности, разделяющих миры. Паладина, потерявшего меч и оттого ощущающего себя голым. Варваршу с её звериной, необузданной силой, рвущей то, что не должно поддаваться. Эльфийку с её странной магией, искажающей само пространство. И гнома — того, кто посмел ткнуть его, Хранителя сотен лет, ножом в глаз, будто мелкую букашку.

— Вернётесь, — шептал он, и по коридорам прокатывалась мелкая дрожь, будто сама земля вздрагивала в такт его словам. — Я приготовил вам сюрприз.

Он переместил ядро. То, что они видели в прошлый раз — пульсирующее сердце в центре зала, — было лишь ложной целью, приманкой для тех, кто верит в очевидное. Настоящее ядро, источник его силы, лежало глубже, в самом основании кургана, там, где он впервые коснулся тьмы сотни лет назад — там, где начался тот самый ритуал, обративший жреца в чудовище.

— Ищите, — усмехнулся он, и усмешка эта прошла по подземельям волной холода. — Ищите. А я подожду, а потом высосу вас досуха.

Корни зашевелились, меняя структуру кургана изнутри, создавая новые коридоры, новые тупики, новые ловушки — терпеливо, методично, как паук, перетягивающий паутину после того, как в неё попала слишком крупная и опасная муха.

Где-то наверху, в мире живых, утро медленно перетекало в день.

3. Жарден. Полдень

Клуней собрал жителей на площади, когда солнце уже вовсю палило с зенита, высушивая утреннюю росу на плетнях и заставляя многих щуриться от яркого света после бессонной, полной ужаса ночи.

Их было немного — два десятка мужчин и женщин, способных ещё держать оружие после всего пережитого. Кто с вилами, кто с топорами, кто просто с обгоревшими факелами, зажатыми в натруженных руках. Староста обвёл их взглядом, задержавшись на каждом лице, и сказал, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо:

— Герои снова уйдут туда, откуда пришли тени, чтобы покончить с этой нечистью раз и навсегда. А наше дело — продержаться здесь, не пустить тени в деревню, пока они не вернутся.

— А если не вернутся? — спросил кто-то из толпы, и в вопросе этом сквозил не упрёк, а самый настоящий, неприкрытый страх.

Клуней посмотрел в сторону избы, где отдыхал отряд, будто одним взглядом мог убедиться в их силе.

— Вернутся, — сказал он. — Такие возвращаются.

В избе тем временем шёл спор — жаркий, на повышенных тонах, будто духота полудня проникла и сюда, под низкие бревенчатые своды.

— Яра идёт первой, — заявила варварша, вставая посреди комнаты и упирая руки в бока.

— Нет, — отрезал Корвин, не отрывая взгляда от карты на столе. — Ты прикрываешь. Филбик ведёт. Мирабель держит проход. Я бью в сердце.

— А ядро? — спросила Мирабель, наклоняясь ближе к бересте с рисунком, который она набросала по памяти. — В книге сказано: нужно бить одновременно.

— Значит, нужен второй, — Корвин посмотрел на Филбика, и в этом взгляде читался не только вопрос, но и извинение за то, что придётся снова рисковать. — Сможешь?

Гном помолчал, машинально крутя в пальцах один из своих ножей — привычка, выдающая волнение, — потом кивнул.

— Если Мирабель укажет путь, я нырну в тень и вынырну у ядра. Но мне нужно будет точно знать, где оно.

Мирабель развернула карту, которую нарисовала по описаниям из книги, разгладив её ладонью по грубой столешнице.

— Здесь. — Она ткнула пальцем в набросок, где чернила уже успели чуть расплыться от влажности воздуха. — Под основанием кургана. Если верить записям, это место связано с ритуалом. Там Элрик впервые коснулся тьмы.

— Элрик, — повторил Филбик, скривившись, будто само имя оставляло на языке горький привкус. — Дурацкое имя для того, кто стал корнем.

— Он был человеком, — тихо сказала Мирабель, и в голосе её мелькнула какая-то странная, почти сочувственная нота. — Живым, таким же, как мы. Просто захотел слишком многого.

Корвин поднялся, разминая плечи — усталость последних суток давала о себе знать тянущей болью между лопаток.

— Мы выступаем на закате. К тому времени тени станут активнее, но и мы будем готовы. Всем отдыхать.

4. Жарден. Закат

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в тяжёлые багровые тона, когда они вышли к околице.

Жители стояли за их спинами — с факелами, уже зажжёнными в преддверии темноты, с оружием, с решимостью на осунувшихся от бессонницы лицах. Клуней подошёл к Корвину, протянул ему небольшой холщовый мешочек, пахнувший сухими травами.

— Травы, — сказал он. — Целебные. Пригодятся.

Корвин принял дар, взвесил его на ладони и кивнул.

— Спасибо.

— Это вам спасибо, — ответил староста, и голос его дрогнул. — За то, что не бросили.

Мирабель встала в центр вытоптанного круга, подняла руки. Опал на её пальце вспыхнул — слабо, неровно, будто нехотя, но всё же достаточно, чтобы вычерченные на земле символы начали разгораться собственным светом.

— Готовы? — спросила она, и в голосе её слышалась та же усталость, что читалась на лицах всех остальных.

Филбик шагнул в круг первым, стараясь ступать твёрже, чем позволяло тело, за ним Яра, последним — Корвин.

— Веди, — сказал он.

Мирабель закрыла глаза, прошептала слова на языке, который казался древнее самого воздуха. Пространство дрогнуло, пошло рябью, и фиолетовый свет накрыл их с головой, поглощая последние отблески заката.

Когда он погас, на поляне никого не было.

Клуней перекрестился знаком Светоносного и повернулся к жителям, которые сгрудились у него за спиной плотной, испуганной толпой.

— Ждём, — сказал он. — И готовимся.

Тени уже начинали выползать из леса, растекаясь по опушке холодными, беззвучными ручьями.

5. Мир теней. Второе вторжение

Они вывалились на чёрный снег под зелёным небом, и в лицо тут же ударил тот самый спёртый, приторно-сладковатый воздух, от которого начинало ломить виски.

Здесь ничего не изменилось — то же пульсирующее, будто дышащее небо, те же деревья, растущие корнями вверх, тот же воздух, от которого першило в горле при каждом вдохе.

Но кургана не было.

На его месте зияла огромная воронка — провал, уходящий глубоко вниз, во тьму настолько густую, что казалось, будто она имеет вес. Края её были чёрными, оплавленными, будто их лизнуло гигантское пламя, и оттуда тянуло холодом и гнилью, смешанными в один тяжёлый, удушающий запах.

— Он ушёл глубже, — поняла Мирабель, вглядываясь в темноту провала. — Спрятался.

— И пленных утащил, — добавил Филбик, прищуриваясь.

Из провала полезли тени. Мелкие, злые, голодные — они выбирались наружу быстрыми, дергаными движениями, будто крысы, спасающиеся из затопленной норы.

— Приготовиться! — крикнул Корвин, вскидывая меч, который тут же отозвался слабым золотистым сиянием.

Яра зарычала, сжала кулаки так, что костяшки хрустнули. Благословение на её руках засветилось золотым, и когда первая тень бросилась на неё, она просто схватила её голыми руками и разорвала пополам — с лёгкостью, которая удивила её саму больше, чем противника.

— Ещё! — заорала она яростно, чувствуя, как по венам разливается непривычная сила. — Жги, Корвин!

— Вниз! — скомандовал Корвин. — Филбик, веди!

Гном нырнул в тень, на секунду исчез — воздух на месте, где он стоял, дрогнул мелкой рябью, — вынырнул у края провала.

— Там лестница! Вернее, корни, по которым можно спуститься! За мной!

Они побежали к провалу, отбиваясь от теней на бегу. Яра рвала их голыми руками, Корвин рубил светящимся мечом, оставляя за собой полосы оседающего пепла, Мирабель искажала пространство вокруг себя, сбивая тварей с толку короткими, судорожными взмахами рук.

— Прыгаем! — крикнул Филбик и исчез в темноте провала.

Яра прыгнула следом за ним без раздумий, Корвин подхватил Мирабель за талию и прыгнул сам, и они все вместе рухнули вниз, в холодную, обжигающую темноту.

6. Внутри

Они падали недолго — корни поймали их на лету, сплелись в упругую сеть, смягчили удар о твёрдую землю где-то в непроглядной темноте внизу.

Филбик уже был на ногах, отряхиваясь и оглядываясь по сторонам прищуренными от полумрака глазами.

— Это не тот курган, — сказал он. — Всё по-другому.

Вокруг них простирались туннели — бесконечные, извилистые, уходящие во все стороны, будто вены гигантского живого существа. Стены их были сплетены из корней, и корни эти шевелились, медленно тянулись к пришедшим, ощупывали воздух вокруг них, но пока не нападали — будто выжидали команды.

— Он знает, что мы здесь, — сказала Мирабель, чувствуя, как по коже пробегает неприятный холодок от этого молчаливого внимания стен. — Играет с нами.

— Значит, идём туда, где сильнее всего чувствуется его сила, — ответил Корвин, крепче перехватывая рукоять чужого меча. — Книга не соврала — если ядро и правда где-то там, бить нужно сразу по обоим целям, иначе он снова просто отрастит новую защиту, как в прошлый раз. Филбик, веди.

Гном закрыл глаза, прислушиваясь к тому странному, тянущему чувству внутри себя, которое всегда указывало ему путь во тьме.

— Туда, — сказал он, указывая в один из туннелей тонким пальцем. — Глубже.

Они пошли.

Туннель вёл их вниз, и с каждым шагом становилось холоднее, темнее, страшнее — будто сама тьма здесь была живой и голодной. Корни на стенах шевелились всё активнее, иногда выстреливали в их сторону короткими рывками, но пока не доставали, будто пробуя дистанцию.

— Он дразнится, — поняла Яра, настороженно косясь на ближайшую стену. — Ждёт, когда придём.

— Пусть ждёт, — отрезал Корвин. — Мы уже идём.

Впереди показался свет. Зелёный, пульсирующий, до тошноты знакомый ещё с той, первой ночи.

— Там, — выдохнул Филбик.

Они вышли в огромную полость.

В центре её висело сердце — то самое, что они уже видели прежде. Но теперь оно было окружено десятками новых корней, и в каждом из них пульсировала украденная жизнь, мелькая под полупрозрачной кожицей корня тёмными, неровными сгустками.

А под сердцем, глубоко внизу, в чёрной бездне, горела ещё одна искра — маленькая, но яркая, как последний уголёк в остывающем костре.

— Ядро, — поняла Мирабель. — Там, внизу.

— А пленные? — спросила Яра, обшаривая взглядом стены полости.

Филбик огляделся и показал в сторону — там, в нишах, вырезанных прямо в живой плоти кургана, висели тела. Пять штук. Без сознания, но живые — их груди слабо вздымались в неровном, прерывистом ритме.

— Они там, — сказал он. — Мы успеваем.

— Значит, так, — Корвин повернулся к ним, оглядывая каждого по очереди. — Яра, ты прикрываешь нас от корней. Мирабель, держи связь с Филбиком. Филбик, ты ныряешь к ядру. Я бью в сердце. Как только я начинаю — ты бьёшь. Одновременно. Понял?

— Понял, — кивнул гном, сглатывая внезапно пересохшим горлом.

— Тогда с Богом, — сказал Корвин и шагнул вперёд.

Корни рванули к нему со всех сторон.

ГЛАВА 7. Агония

1. Последний бой

Корни рванули к Корвину со всех сторон, но он встретил их мечом, не дожидаясь, пока они сомкнутся. Благословенный клинок вспорол черноту широкой дугой, и корни шарахнулись в стороны, зашипели, как потревоженные змеи, отпрянувшие от огня.

— Яра, прикрой! — крикнул он, чувствуя, как сбивается дыхание.

Варварша уже была рядом — возникла будто из ниоткуда. Голыми руками хватала корни, рвала их с влажным, хрустящим звуком, топтала обрывки ногами. Благословение горело на её ладонях золотым огнём, и там, где она касалась корней, те чернели, съёживались и рассыпались в прах прямо у неё в пальцах.

— Ещё! — заорала она яростно, чувствуя, как по венам разливается непривычная сила. — Жги, Корвин!

Мирабель встала в центре полости, подняв руки над головой. Пространство вокруг неё дрогнуло, пошло рябью, будто воздух превратился в тягучую воду, и новые корни, лезущие из стен, начали застревать в этих искажениях, путаться, терять направление, будто слепые.

— Филбик! — крикнула она, и голос её сорвался от напряжения. — Я укажу путь! Готовься!

Гном стоял у края провала, ведущего к ядру. Там, глубоко внизу, пульсировала зелёная искра — источник силы Хранителя. Филбик чувствовал, как оттуда тянет холодом и смертью, будто сама бездна дышала ему в лицо.

— Я готов! — отозвался он, стискивая в кулаке рукоять метательного ножа.

— Тогда ныряй! Как только Корвин ударит в сердце — ты в ядро!

Филбик закрыл глаза, глубоко вздохнул, наполняя лёгкие воздухом про запас, и шагнул в тень.

Он провалился в серый полумрак, где не было ни верха, ни низа, только холод, обволакивающий тело со всех сторон, и вязкая, давящая тишина. Мирабель вела его — её голос звучал прямо в голове, чужой и одновременно родной, указывая направление короткими, отрывистыми фразами.

— Прямо, — шептала она. — Ещё прямо. Теперь вниз. Он близко.

Филбик летел сквозь тень, и сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в кончиках пальцев.

2. Сердце тьмы

Корвин пробивался к сердцу.

Оно висело в центре зала — огромный пульсирующий орган, опутанный корнями, которые обвивали его плотным, живым коконом. От сердца тянулись нити к стенам, к потолку, к пленникам, застывшим в нишах, — и каждая нить пульсировала в такт ударам, будто весь курган был одним чудовищным телом с единым кровотоком.

— Яра! Прикрой меня!

Яра зарычала и встала стеной, отбивая корни, лезущие со всех сторон, — она работала кулаками, локтями, даже головой, когда не хватало рук. Корни лопались под её ударами, брызгая тёмной слизью на лицо и одежду, но лезли и лезли, бесконечные, как приливная волна, которую невозможно остановить, а можно только сдерживать.

Корвин подскочил к сердцу, вскинул меч, чувствуя, как ладони потеют внутри перчаток, а хватка становится чуть менее надёжной.

— Именем Света! — крикнул он, вкладывая в удар весь вес тела.

Клинок вошёл в плоть с тошнотворным, чавкающим звуком.

Сердце взвыло — дико, страшно, по-звериному, так, что весь курган содрогнулся и с потолка посыпалась мелкая труха. Из раны хлынула зелёная слизь, обжигая руки Корвина сквозь перчатки, но он не отпускал, давил, вгонял клинок глубже, чувствуя, как мышцы плеча уже кричат от напряжения.

— Филбик! Сейчас!

3. Ядро

Филбик вынырнул из тени прямо перед ядром.

Оно было маленьким — размером с кулак, — но пульсировало так сильно, что от него шла дрожь по всему подземелью, отдаваясь в зубах, будто он стоял рядом с гигантским, бьющимся сердцем самой земли. Зелёное, светящееся изнутри, оно было покрыто чёрными прожилками, извивающимися под поверхностью, точно живые вены.

— Получи! — заорал гном, всаживая в ядро нож с размаху, вкладывая в удар весь вес тела.

Но нож отскочил, даже не поцарапав поверхность, — отдача прошла через руку до самого плеча, заставив пальцы онеметь.

— Что за... — Филбик ударил ещё раз, потом ещё, стиснув зубы от боли в запястье. Ножи ломались с сухим, обидным треском, скользили по гладкой поверхности, но ядро оставалось целым, будто насмехаясь над его усилиями.

— Филбик! — голос Мирабель в голове звучал отчаянно, эхом отдаваясь в висках. — Корвин уже бьёт! Давай!

— Не могу! — заорал он, чувствуя, как паника подкатывает к горлу. — Не берёт! Тут нужна... нужна сила!

Он огляделся лихорадочным взглядом. Вокруг ядра вились тонкие корни — такие же, как те, что держали пленников, тонкие и пульсирующие. И вдруг Филбик понял, чувствуя, как по спине пробегает холодок озарения.

— Яра! — заорал он изо всех сил, надеясь, что она услышит сквозь весь этот хаос. — Яра, сюда! Руками! Только руками!

4. Ярость Яры

Яра услышала.

Она отбросила очередной корень, рванула к провалу, даже не глядя, успеет ли, — тело двигалось быстрее мысли. Корни хлестали по спине, по ногам, оставляя рваные полосы на коже сквозь ткань одежды, но она бежала, не сбавляя шаг.

— Корвин! — крикнула Мирабель, чувствуя, как искажение пространства вокруг нее начинает истончаться. — Она уходит! Я не удержу!

— Держись! — рявкнул паладин, выдирая меч из сердца с влажным, чавкающим звуком. — Я помогу!

Он рванул к Мирабель, встал рядом, отбивая корни, лезущие к эльфийке короткими, злыми взмахами меча.

— Бей в сердце! — крикнула она. — Не останавливайся!

— Филбик там один!

— Он не один! Там Яра!

Корвин стиснул зубы так, что заныла челюсть, и снова бросился к сердцу.

Яра прыгнула в провал.

Она падала долго, цепляясь за корни, обдирая руки в кровь, пока не рухнула на дно с глухим ударом, который отозвался болью во всём теле. Рядом стоял Филбик, сжимая обломки ножей в трясущихся руках.

— Там! — показал он, тыча пальцем в пульсирующую зелёную сферу. — Руками! Дави!

Яра посмотрела на ядро. Маленькое, гадкое, пульсирующее, будто издевающееся над её бессилием.

— Руками? — переспросила она.

— Да!

Яра шагнула вперёд, схватила ядро голыми руками и сжала.

Золотой свет благословения вспыхнул на её ладонях, обжигая изнутри. Ядро зашипело, затрещало, пошло трещинами, будто скорлупа яйца под прессом. Яра зарычала, сжала сильнее, обеими руками вкладывая всю ярость, всю силу, что была в её огромном теле, — потому что эта тварь посмела тронуть тех, кого она называла своими.

— Сдохни, — прошептала она.

Ядро лопнуло с сухим, режущим слух треском. От него повсюду понеслась волна зелёного света, опалая стены туннеля. Корни начали слабеть и опадать, будто марионетки, у которых разом обрезали все нити.

5. Смерть Хранителя

По крику Мирабель Корвин вогнал меч в сердце по самую рукоять, чувствуя, как клинок наконец проходит сквозь сопротивляющуюся плоть до конца — в тот же миг, когда ядро в руках Яры окончательно пошло трещинами.

Два удара сошлись в одной точке разрушения.

Хранитель закричал. Не так, как раньше — не злобно, не яростно, а отчаянно, по-человечески, будто из-под слоя векового камня прорвался голос того, кем он когда-то был. Курган содрогнулся до основания, стены пошли трещинами, корни обмякли и попадали на пол один за другим, будто марионетки с перерезанными нитями.

— Нет... — прошептал голос отовсюду, и в нём впервые прозвучало настоящее, неприкрытое отчаяние. — Не может быть... я же... я бессмертен...

Корвин выдернул меч рывком. Сердце обвисло, почернело, рассыпалось в прах прямо у него на глазах, осыпаясь тёмными хлопьями.

Из темноты выступила фигура. Хранитель — теперь уже не чудовище, а человек. Старый, сгорбленный, в истлевшей рясе, свисающей с плеч клочьями. Кожа серая, дряблая, глаза тусклые, но в них ещё теплилась жизнь — слабая, угасающая искра.

— Элрик, — тихо сказал Корвин, опуская меч.

Хранитель вздрогнул всем телом.

— Ты... знаешь моё имя?

— Мы прочли записи твоего ученика.

Хранитель горько усмехнулся, и от этого звука по спине пробежал холодок — не страшный, а бесконечно печальный.

— Ученика... он сбежал. Бросил меня здесь. А я... я просто хотел жить вечно. Разве это так плохо?

— Ты убивал, — ответил Корвин, чувствуя, как гнев в груди медленно остывает, сменяясь чем-то похожим на жалость. — Сотни лет ты пил жизни других.

— Я был голоден. — Хранитель покачнулся, опираясь высохшей рукой на стену. — Этот мир... он высасывает силы. Если не питаться, умрёшь. Я не хотел умирать.

— Все умирают, — сказал Корвин. — Даже такие, как ты.

Хранитель посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, будто впервые за сотни лет по-настоящему видел перед собой живого человека.

— Ты прав, паладин. — Он перевёл взгляд на свои руки — иссохшие, покрытые чем-то похожим на кору. — Я слишком долго жил. Пора... отдохнуть.

Он закрыл глаза и рассыпался в прах, осев на пол лёгким облаком пепла.

В тот же миг зелёное небо над ними дрогнуло, пошло рябью и начало светлеть. Чёрный снег перестал падать. Мир теней умирал.

6. Освобождение

— Пленные! — крикнула Мирабель. — Надо вытащить их, пока всё не рухнуло!

Яра уже лезла наверх, цепляясь за ослабшие, обмякшие корни, которые крошились под её пальцами, будто гнилое дерево. Филбик карабкался следом, хватаясь за выступы дрожащими от напряжения руками. Корвин подхватил Мирабель за талию и полез сам, чувствуя, как земля под ногами ходит ходуном.

Пятеро пленных висели в путанице корней. Корни больше не держали крепко, просто обвивали тела мёртвой хваткой, слабея с каждой секундой.

— Руби! — крикнул Корвин, перекрикивая нарастающий гул обрушения.

Филбик резал корни ножами быстрыми, точными движениями, Яра рвала их голыми руками, Мирабель искажала пространство, освобождая застрявшие конечности короткими взмахами рук. Одного за другим они спускали пленных на пол, который уже начинал крениться под неровным углом.

Последним сняли того самого молодого стражника — Филбик узнал его сразу, вспомнив искажённое мукой лицо, которое видел здесь же, у прежнего кургана. Тело безвольно обмякло у него на руках.

— Он не дышит! — крикнул Филбик, опуская его на пол.

— Все? — спросила Яра, оглядываясь, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Четверо живых, — мрачно бросил Корвин, окидывая взглядом остальных. — Он не выжил.

— Его взяли первым, — на бегу бросила Мирабель. — Он был самым молодым. Наверное, поэтому из него тянули жизнь быстрее, чем из остальных.

Корвин посмотрел на неподвижное тело, потом на четверых, которых и без того едва хватало сил нести на себе, и стиснул зубы.

— Простите, — глухо сказал он. — У нас нет сил унести всех. Пусть эта земля станет ему последним пристанищем.

Они побежали к выходу, таща на себе обессиленных людей, чувствуя, как их вес с каждым шагом наливается свинцовой тяжестью в уставших руках. Курган рушился за их спинами с оглушительным грохотом, камни падали, поднимая клубы удушливой пыли, корни рвались с влажным треском, тьма схлопывалась, будто гигантская пасть смыкалась позади них.

— Где портал?! — заорал Филбик, задыхаясь от бега и пыли.

— Там! — Мирабель указала на фиолетовое свечение вдалеке, едва различимое сквозь оседающую пыль. — Бегом!

Они влетели в портал за секунду до того, как последний кусок кургана рухнул в бездну с финальным, оглушительным грохотом.

7. Рассвет над Жарденом

Они вывалились на траву у околицы, когда солнце только начинало подниматься над лесом, заливая горизонт бледным, ещё несмелым светом.

Жители встретили их криками — кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то падал на колени. Клуней подбежал первым, помогая поднять четверых спасённых, закричал, чтобы несли воду и тряпки.

Корвин рухнул на колени, уронил меч — тот самый, чужой, деревенскойковки, — прямо в мокрую от росы траву. Яра сидела в грязи, прижимая к себе Филбика, будто боялась, что он снова исчезнет.

Мирабель сделала шаг, покачнулась — и осела на траву без единого звука, будто из неё разом вынули все кости. Портал, распахнутый дважды за одну ночь для семерых вместо четверых, выпил из неё куда больше, чем она рассчитывала.

— Мирабель! — Корвин бросился к ней, подхватывая прежде, чем она коснулась земли лицом. Дыхание у неё было слабым, но ровным — просто провалилась в глубокий обморок, а не хуже.

— Мы сделали это, — прошептал Филбик, чувствуя, как саднят пальцы, стёртые до крови об обломки ножей, и тревожно косясь на бесчувственную эльфийку.

— Мы, — ответила Яра.

Клуней подбежал ближе, увидел бесчувственную Мирабель на руках у Корвина и охнул, зовя на помощь.

— Знахарку! — закричал он через плечо. — Живо зовите знахарку!

Двое женщин тут же подхватили эльфийку с рук паладина — осторожно, как самую хрупкую драгоценность, — и унесли в сторону крайней избы.

Клуней остался стоять рядом, сжимая в руках узелок, пахнувший свежим хлебом.

— Тут хлеб, мёд, мясо... — начал он растерянно.

— Потом, — остановил его Корвин, чувствуя, как веки наливаются свинцом от усталости, а взгляд то и дело возвращается туда, куда унесли Мирабель. — Сначала — живых в тепло. И присмотрите за ней. Потом — спать. Всё потом.

Яра подошла к Корвину. Она вдруг полезла куда-то за пазуху, порылась там негнущимися от усталости пальцами и вытащила свёрток — грязную крупную тряпицу, пропитанную чёрной слизью. Сунула его Корвину.

— Держи.

— Что это? — не понял он, принимая свёрток обеими руками, будто боясь уронить что-то хрупкое.

— Открой.

Корвин развернул тряпицу и замер.

Его меч. Тот самый, с которым он не расставался много лет. Помятый, в чёрной слизи, с потускневшим лезвием, но целый. Родная рукоять легла в ладонь, как влитая, будто узнавая хозяина после долгой разлуки.

— Как?.. — выдохнул он.

— Яра заметила, когда бежала, — пожала плечами варварша, вытирая грязь с рук о подол рубахи. — Там, у сердца. Валялся в углу. Яра подумала: Корвину дорого. Забрала.

Она сказала это так просто, будто речь шла о подобранном на дороге полене. Но в глазах её светилась тёплая, почти застенчивая гордость.

Корвин сжал рукоять, чувствуя, как что-то тёплое разливается в груди, вытесняя усталость. Благословение, которое он наложил на чужой меч, давно погасло, но этот клинок был частью его самого. Частью его веры. Частью того, кто он есть.

— Спасибо, — сказал он. — Ты не представляешь, как это...

— Представляю, — перебила Яра. — У Яры тоже есть топор. Потерять — плохо. Найти — хорошо.

Она хлопнула его по плечу так, что Корвин едва не слетел с травы, и улыбнулась. Потом подхватила Филбика под мышки и потащила в деревню.

— Вставай, гном. Спать идём.

— Я сам! — возмутился тот, болтая ногами в воздухе. — Отпусти, великанша!

— Не отпущу.

Староста кивнул и засуетился, раздавая указания, то и дело поглядывая в сторону избы, куда унесли Мирабель.

Корвин остался сидеть на траве, сжимая в руках меч. Смотрел на лес, на восходящее солнце, на то место, где ещё недавно зиял портал в другой мир.

Героев повели в избы, уложили на лавки, укрыли одеялами. Яра уснула первой, даже не успев снять сапоги. Филбик провалился в сон, сжимая в руке амулет погибшего гнома. Мирабель так и не пришла в себя — знахарка лишь покачала головой и велела не тревожить её, сколько бы ни потребовалось времени.

Корвин вышел на крыльцо, сел на ступени и долго смотрел на лес.

Там, за околицей, чернели деревья. Но теперь это был просто лес. Без теней, без зелёного неба, без Хранителя.

— Элрик, — тихо сказал он. — Упокой Свет твою душу. Если она ещё есть.

Солнце поднималось над Жарденом, обещая новый день.

ГЛАВА 8. Прощание с Жарденом

1. Утро в избе Клуenea

Филбик проснулся первым.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая щели между ставнями не золотом, а густым медным светом. Проспать весь день напролёт — и не заметить этого — оказалось проще простого, когда тело выжато досуха, а в жилах вместо сил плещется одна усталость. В избе пахло сушёными травами, свежим хлебом и ещё чем-то тёплым, домашним, отчего у гнома почему-то защипало в носу — то ли от запаха, то ли от нахлынувшего вдруг облегчения, что всё позади.

Он попытался встать и понял, что не может.

Сверху на него давила тяжёлая рука Яры. Варварша спала, раскинувшись на лавке, и во сне прижимала к себе гнома, как большую плюшевую куклу. Лицо у неё было совершенно детское — спокойное, умиротворённое, без единой морщинки тревоги, которые весь вчерашний день прорезали её лоб.

— Отпусти, — прошептал Филбик, пытаясь высвободиться, упираясь локтем ей в бок.

Яра во сне улыбнулась и прижала его крепче, будто почувствовала попытку побега даже сквозь сон.

— Великанша, — вздохнул гном и смирился, обмякнув в её объятиях.

На другой стороне была лавка, где ранее спал Корвин. Пустая — сложенное одеяло аккуратной стопкой на краю.

Он кое-как высвободился из объятий Яры (та только чмокнула во сне и перевернулась на другой бок, недовольно засопев) и вышаркал на улицу, шурясь от закатного света.

На крыльце сидел Корвин. Меч лежал у него на коленях, паладин водил по лезвию тряпицей, счищая остатки засохшей чёрной слизи. Лицо ещё немного заспанное, но глаза уже ясные — видно, проснулся раньше остальных и успел умыться из бочки у крыльца.

— Проснулся наконец, — сказал Филбик, садясь рядом и шурясь на закатное солнце.

— Проснулся. — Корвин кивнул, не отрываясь от меча. — Выспался?

— Яра не дала. Во сне обнимается, как медведица.

Корвин усмехнулся.

— Она хорошая.

— Да уж, — Филбик зевнул, потягиваясь так, что хрустнула спина. — Как там Мирабель?

Паладин на мгновение перестал водить тряпицей по клинку.

— Спит. Я заходил недавно — знахарка её осмотрела, говорит, организм восстанавливается. Такое колдовство, как она применила там, у портала, — сразу для семерых, — требует огромных сил. Ей нужно время.

— Надо проведать, — сказал Филбик.

— Потом ходим вместе. Пусть отдыхает — будить бесполезно, знахарка сказала, она сейчас глубже, чем в обычном сне.

Филбик помолчал, глядя на лес за околицей, где закатное солнце золотило верхушки деревьев.

— Она молодец, — тихо сказал он. — Без неё бы мы не справились.

— Мы бы без любого из нас не справились, — ответил Корвин. — Мы — отряд. Все вместе.

Из избы донеслось могучее сопение, потом грохот — видимо, Яра проснулась и уронила лавку.

— Пошли есть, — поднялся Филбик. — А то она сейчас без нас всё сожрёт.

2. Ужин у Клуenea

За столом собрались все, кроме Мирабель.

Клуeneй натаскал еды — простая деревенская похлёбка, хлеб, мёд, варёные яйца, да ещё и кусок запечённой оленины, которую, судя по запаху, готовили специально к вечеру. Яра налегала на всё сразу, с аппетитом, достойным трёх оголодавших орков. Филбик жевал аккуратно, изредка косясь на дверь.

— Ты ешь, не отвлекайся, — буркнула Яра с набитым ртом. — Мирабель придёт — поест. А ты пока живой — жри.

— Я и так жру.

Клуeneй сидел рядом, теребя в руках шапку. Вид у него был торжественный и немного смущённый.

— Господин хороший, — начал он, обращаясь к Корвину. — Мы тут с мужиками посоветовались... Хотим отблагодарить вас. По-настоящему.

— Не нужно, — покачал головой паладин. — Мы делали своё дело.

— Нужно-нужно, — замахал руками староста. — Вы наших людей спасли. Деревню спасли. Мы век в долгу не расплатимся.

Он выложил на стол узелки и свёртки.

— Вот. Корвину — пояс новый, кожаный, с вышивкой. Женки наши весь день делали, пока вы спали. Яре — плащ тёплый, видать, твой-то совсем изорвался. Филбику... — он замялся, вытащил маленький медальон на кожаном шнурке. — Это моё, семейное. Ещё дед носил. Ты, гном, наших людей спас, себя не жалел. Носи на здоровье.

Филбик взял медальон, повертел в руках. Простая вещь, но тёплая, хранящая память многих лет.

— Спасибо, — сказал он коротко. Вспоминая, что в его карманах, затесался подобранный медальон гнома, из мира тени. — Надо будет его отправить на родину, чтобы знали, — подумал он в этот момент.

— А для Мирабель... — Клуeneй выложил мешочек с травами. — Знахарка наша собрала. Лучшие, какие есть. Пусть поправляется.

Корвин принял дары, кивнул.

— Мы передадим. Спасибо, Клуeneй. И всем жителям.

Староста расплылся в улыбке.

— Ешьте, ешьте! Я ещё принесу!

В этот момент к столу нерешительно подошла молодая женщина — темноволосая, ещё бледная, но уже не такая измождённая, как накануне утром. Она остановилась в шаге от стола, будто не решаясь помешать, и вдруг поклонилась в пояс — низко, до самой земли.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказала она тихо. — Я одна из тех, кого вы вытащили оттуда. Хотела сказать спасибо, пока вы ещё здесь. Вам всем. И той госпоже-эльфийке тоже — когда очнётся, передайте.

— Живи, — ответил ей Филбик, приподнимаясь и неловко похлопав её по плечу. — Просто живи, и хватит с нас благодарности.

Женщина улыбнулась сквозь слёзы и, снова коротко поклонившись, отошла к своим.

3. Сон Мирабель

В маленькой избе на краю деревни, в доме знахарки, Мирабель спала.

Она не двигалась, не шевелилась, только грудь мерно вздымалась, и чёрный опал на пальце пульсировал слабым, едва заметным светом, будто тлеющий уголёк под слоем пепла. Знахарка — сухонькая старушка с добрыми глазами — то и дело подходила, поправляла одеяло, шептала какие-то заговоры.

— Спи, спи, — бормотала она. — Силы тратила немерено, теперь копить надо. Организм — он умный, сам знает, сколько отдыхать.

Мирабель снился сон.

Она стояла на поляне в лесу. Не в том мёртвом, чёрном лесу, откуда они только что вернулись, — в настоящем, живом, эльфийском. Солнце пробивалось сквозь листву тёплыми, дрожащими пятнами, пахло цветами и мёдом, и где-то вдалеке пели птицы — так чисто и звонко, что хотелось закрыть глаза и просто слушать.

Сильванор.

Она узнала это место мгновенно, всем телом, будто память жила не в голове, а в самой коже. Опушка у Великого Леса, откуда начиналась дорога в город эльфов. Здесь она выросла, здесь бегала ребёнком, здесь...

— Мирабель.

Голос был холодным, официальным, будто вырезанным из льда. Она обернулась.

Перед ней стояли старейшины. Пятеро эльфов в белых одеждах, с длинными седыми волосами и глазами, полными льда. В центре — Верховный старейшина, тот самый, что когда-то гладил её по голове и называл внучкой.

— Ты знаешь, зачем мы здесь, — сказал он.

Мирабель во сне попятилась, но ноги не слушались, будто вросли в землю.

— Я ничего не сделала, — прошептала она.

— Твоя магия опасна. — Голос старейшины не выражал эмоций. — Такой силы не было триста лет. Ты не можешь её контролировать. Ты угроза для всех.

— Я научусь! Я справлюсь!

— Ты уже чуть не убила троих детей, когда у тебя впервые проявился дар. Помнишь?

Мирабель замерла, чувствуя, как холод старейшины проникает под кожу. Помнила. Конечно, помнила. Игровая площадка, вспышка фиолетового света, крики, искажённое пространство, и дети, которые чудом остались живы.

— Это была случайность! Я научусь!

— Триста лет назад один из наших тоже говорил, что научится. — Голос старейшины впервые дрогнул, и в этой трещине холода мелькнуло что-то похожее на старую, невысказанную боль. — Его больше нет. И половины восточного квартала Сильванора вместе с ним. Совет требует, чтобы дар, подобный твоему, не покидал этих стен живым.

Он помолчал, и что-то в его лице на миг перестало быть каменным.

— Я не отдам этот приказ. Не о тебе.

Один из четверых, стоявший по правую руку, тут же шагнул вперёд, лицо его исказилось несогласием.

— Совет решил иначе, старейшина. Ты не вправе...

— Совет доверил это решение мне, — оборвал его Верховный, и голос его остался таким же ровным, но остальные четверо застыли, будто их окатили ледяной водой. Он снова повернулся к Мирабель. — Но и оставить тебя здесь я не могу — раньше или позже это сделает кто-то другой, у кого достанет решимости, которой нет у меня. Уходи, дитя. Уходи, пока я ещё могу дать тебе этот шанс.

— Куда? — выдохнула она, чувствуя, как перехватывает горло.

— Куда хочешь. Ты больше не дитя Сильванора. Ты изгнана.

Поляна поплыла, растворилась в тумане. Мирабель бежала по лесу, спотыкаясь о корни, падала, поднималась и снова бежала, пока лёгкие не начали гореть огнём. А за спиной слышались голоса, множившиеся, наслаивающиеся друг на друга:

— Чудовище!

— Убирайся!

— Не возвращайся никогда!

Она упала на колени, закрыла уши руками, но голоса не стихали. Они звенели в голове, проникали в самое сердце, будто кто-то вонзал в него тонкие ледяные иглы.

— Ты одна.

— Никому не нужна.

— Твой дар — проклятие.

— Ты никогда не найдёшь дом.

— Неправда, — прошептала Мирабель во сне, чувствуя, как по щекам текут слёзы, обжигающе горячие на фоне окружающего холода.

И вдруг голоса стихли.

Она подняла голову. Лес исчез. Вокруг была тьма, но тёплая, спокойная, не страшная — совсем не похожая на ту, что она знала по миру теней. А в темноте светились три силуэта. Огромный, с мечом. Коренастый, с ножами. И огромная женщина с топором, которая смотрела на неё с такой нежностью, что защипало в глазах ещё сильнее.

— Мы с тобой, — сказал Корвин.

— Всегда, — добавил Филбик.

— Яра рядом, — улыбнулась варварша. — Яра никогда не бросит.

Мирабель улыбнулась сквозь слёзы, чувствуя, как холод отступает, сменяясь тёплым, обволакивающим спокойствием, и провалилась в глубокий, целительный сон без сновидений.

4. Пробуждение

Она очнулась оттого, что кто-то тёр ей руку тёплой влажной тряпкой.

Открыла глаза. Над ней склонилась Яра — сосредоточенная, даже серьёзная, непривычно тихая для себя обычной. Варварша макала тряпицу в миску с тёплой водой и аккуратно, почти нежно проводила по её пальцам, по ладони, по запястью, будто боялась надавить слишком сильно на что-то хрупкое.

— Ты чего? — прошептала Мирабель, чувствуя, как язык еле ворочается во рту, пере-сохшем, будто она неделю не пила.

Яра вздрогнула, отшатнулась, едва не расплескав миску.

— Очнулась! — обрадовалась она. — А Яра... Яра помогать. Знахарка сказала, тереть надо, чтобы кровь ходила. Ты холодная была.

Мирабель посмотрела на свои руки. Они и правда были бледными, почти прозрачными, с проступающими сквозь кожу тонкими синеватыми венами.

— Сколько я спала?

— День и ночь. И ещё утро. — Яра загибала пальцы, старательно, будто решала сложную задачу. — Клуней боялся. Корвин приходил, каждый час почти. Филбик ворчал, что ты всё спишь. А Яра тёрла.

Мирабель чуть улыбнулась, чувствуя, как уголки губ отзываются слабой, но настоящей теплотой.

— Спасибо.

— Не за что. — Яра помолчала, отжимая тряпицу над миской, потом вдруг спросила: — Тебе снилось что-то плохое? Ты кричала.

— Снилось. — Мирабель отвела взгляд, чувствуя, как холод старого сна ещё не до конца выветрился из груди. — Старое. Прошное.

Яра кивнула, будто всё поняла без лишних объяснений. Она отставила миску, села рядом на край лежанки, отчего та жалобно скрипнула под её весом, и положила свою огромную ладонь поверх тонкой руки эльфийки — тёплую, шершавую, надёжную.

— У Яры тоже было плохое прошное. Оно никуда не делось, оно всегда с Ярой будет. Но теперь есть ещё и вы. И от этого хорошо.

Мирабель посмотрела на неё. На эту странную, нелепую, бесконечно добрую женщину, которая ещё позавчера рвала корни голыми руками, а сейчас с такой осторожностью стирала пыль с её пальцев, будто держала в руках птенца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.